

Литературная газета

№ 41 (532)

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Четверг 25 июля 1935 г.

ПИСЬМО РОМЭН РОЛЛАНА ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ

Горки, около Москвы, 20. VII. 35 г.

ДОРОГОЙ ТОВАРИЩ СТАЛИН!

НАКАНУНЕ МОЕГО ОТЪЕЗДА ИЗ МОСКВЫ, Я ПОСЫЛАЮ ВАМ МОЙ СЕРДЕЧНЕЙШИЙ ПРИВЕТ. ВО ВРЕМЯ МОЕГО СЛИШКОМ КОРОТКОГО ПРЕБЫВАНИЯ В СССР, ОГРАНИЧЕННОГО ПЛОХИМ СОСТОЯНИЕМ МОЕГО ЗДОРОВЬЯ, Я СОПРИКОСНУЛСЯ С МОГУЧИМ НАРОДОМ, КОТОРЫЙ, ПРОВОДЯ НЕПРЕРЫВНУЮ БОРЬБУ ПРОТИВ ТЫСЯЧИ ПРЕПЯТСТВИЙ, СОЗДАЕТ ПОД РУКОВОДСТВОМ КОМПАРТИИ В ГЕРОИЧЕСКОМ И УПОРЯДОЧЕННОМ ПОРЫВЕ НОВЫЙ МИР. Я ВОСХИЩАЛСЯ ЕГО ЗДОРОВОЙ МОЩЬЮ, ЕГО РАДОСТЬЮ ЖИЗНИ, ЕГО ЭНТУЗИАЗМОМ. НЕСМОТРИ НА ЛИШЕНИЯ И ТРУДНОСТИ—МАЛО-ПОМАЛУ ПРЕОДОЛЕВАЕМЫЕ,—КОТОРЫЕ ЕЩЕ БОЛЕЕ ПОДНИМАЮТ ЦЕННОСТЬ ЕГО ВЕЛИКИХ РАБОТ.

Я УЕЗЖАЮ С ПОДЛИННЫМ УБЕЖДЕНИЕМ В ТОМ, ЧТО Я И ПРЕДУСЛОВИВАЛ, ПРИЕЗЖАЯ СЮДА: ЧТО ЕДИНСТВЕННО НАСТОЯЩИЙ МИРОВОЙ ПРОГРЕСС НЕОТДЕЛИМО СВЯЗАН С СУДЬБАМИ СССР,—ЧТО СССР ЯВЛЯЕТСЯ ПЛАМЕННОМ ОЧАГОМ ПРОЛЕТАРСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА, КОТОРЫМ ДОЛЖНО СТАТЬ И КОТОРЫМ БУДЕТ ВСЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО—ЧТО ОБЯЗАТЕЛЬНЫМ ДОЛГОМ ВО ВСЕХ СТРАНАХ ЯВЛЯЕТСЯ ЗАЩИТА ЕГО ПРОТИВ ВСЕХ ВРАГОВ, УГРОЖАЮЩИХ ЕГО ПОДЪЕМОМ. ОТ ЭТОГО ДОЛГА,—ВЫ ЭТО ЗНАЕТЕ, ДОРОГОЙ ТОВАРИЩ,—Я НИКОГДА НЕ ОТСТУПАЛ, НЕ ОТСТУПЛЮ НИКОГДА, ДО ТЕХ ПОР, ПОКА БУДУ ЖИТЬ. ЖМУ ВАМ РУКУ И, ЧЕРЕЗ ВАС, Я ЖМУ БЕСЧИСЛЕННЫЕ РУКИ ВЕЛИКОГО НАРОДА, К КОТОРОМУ Я ЧУВСТВУЮ СЕБЯ БРАТСКИ ПРИВЯЗАННЫМ.

РОМЭН РОЛЛАН

ОТЪЕЗД РОМЭН РОЛЛАНА

À la revoir ! Merci, merci

21 июля в 10 ч. 45 м. вечера Ромэн Роллан уехал из Москвы. На снимке: А. М. Горький прощается с Р. Ролланом и М. П. Роллан

РОМЭН РОЛЛАНУ!

Ромэн Роллан, великий писатель-гуманист, покинул Страну советов, оказавшую ему братское гостеприимство.

Роллан уехал, полный живых и волнующих впечатлений о жизни и творчестве великого народа, сбросившего цепи капиталистического рабства и создающего строй подлинной свободы. В течение многих лет Ромэн Роллан в своем уединении в швейцарской деревне пристально и повседневно изучал Советский союз по печатным материалам, следя за каждым шагом нашего роста, за каждой новой победой социалистического строительства под руководством великой партии Ленина—Сталина. Среди экономического развала капиталистических стран, среди разгрома фашистской реакции, в обстановке быстрого разложения буржуазной культуры, в шуме и гаме продажной капиталистической печати, сквозь туман клеветы и яростных нападок на Советский союз Ромэн Роллан внимательно вслушивался издали к биению новой жизни на территории гигантской страны, где осуществляются лучшие мечты самых передовых умов человечества. И Ромэн Роллан, один из самых больших и самых тонких представителей того лучшего, что создано буржуазной культурой, сделался другом Советской страны.

Кратковременное пребывание великого писателя в Советском союзе было достаточно, чтобы ощутить величественную историческую правду становления социализма, чтобы убедиться в мудрости партии, в несомненности и мощи советского государства, в быстрой через край творческой жизнедеятельности народов СССР, в расцвете новой многогранной и яркой социалистической культуры. То, что Ромэн Роллан уже давно знал и чему верил—встало в полную реальность перед его глазами, слухом, сознанием. И Роллан в своем письме к тов. Сталину перед лицом всего мира приветствовал Страну советов, как оплот подлинной культуры, как надежду всего человечества.

«Я уезжаю с подлинным убеждением в том, что я и предчувствовал, приезжая сюда: что единственно настоящий мировой прогресс неотделимо связан с судьбами СССР». Такова краткая формула, в которой пришел этот большой художник, философ, мастер культуры, который десятки лет посылал исканию путей настоящего исторического прогресса, мечтам о лучшем будущем человечества. И это — победа нашего коммунистического знамени, это новое блестящее завоевание учения Маркса—Ленина—Сталина, это большая радость для трудящихся всего мира, — что Ромэн Роллан с нами, что он теснейшими узами связан с делом пролетариата, с делом социалистической революции.

Пребывание Ромэна Роллана в СССР явилось как-бы смотром популярности великого писателя в народных массах нашей страны, яркой демонстрацией уважения и любви к нему миллионов людей труда. Библиотеки наших заводов и колхозов удесятерили выдачу книг Ромэна Роллана. Творчество Ромэна Роллана освещалось в сотнях лекций, докладов, диспутов при глубоком внимании и живом интересе массовой аудитории. «Ромэн Роллан — великий писатель, наш друг, борец за лучшее будущее человечества — писали, рассказывали, разговаривали на десятках языков народов СССР газеты и журналы нашей страны.

В неиссякаемый поток писем, который бежит ежедневно в адрес великого пролетарского писателя Алексея Максимовича Горького, влилась на некоторое время новая широкая струя: со всех концов огромной страны люди спешили выразить свои лучшие чувства и пожелания гостю Советской страны, гостю Сталина и Горького. Боец краснознаменной дальневосточной учительницы из далекой Якутии, узбекские комсомольцы, шахтеры Донбасса, колхозники Белоруссии, школьники из Карелии и метеоролог из Уэльса — все они писали Ромэну Роллану. И в этих письмах глубоко и трогательно переплетаются цитаты из «Евны Бренчона» и «Жана Кристофа» с отрывками статей и воззваний Ромэна Роллана — борьба против военной опасности и фашистской реакции. За время пребывания Ромэна Роллана трудящиеся нашей страны доставляли великому писателю радость сознания, что только в рядах борющегося пролетариата, только в миллионных массах странной социализма живет подлинное понимание и искреннее уважение к творческому гению, если он по-настоящему служит интересам народа.

Постаревший в боях с капиталистическими бескультурьями — великий писатель, шедший сложным извилистым путем индивидуалистических сомнений, идеалистических предрассудков, пытавшийся одно время стоять «над схваткой» — на зов далеких своих пошел новую культуру, рожденную большевизмом, великой Октябрьской социалистической революцией. На старости он «был согрет могучей коллективностью социалистического общества» («Правда»).

Путь Ромэна Роллана с особенной глубиной демонстрирует ту великую размежевку сил, которая происходит в рядах мировой интеллигенции. Пребывание Ромэна Роллана в СССР явилось как-бы дополнением парижского конгресса писателей, где против фашистского варварства, за культуру, за Советский союз громко звучали голоса крупнейших писателей мира.

Через границы народов и государств протянулись и окрепли нити дружбы от народов Советского союза и одному из лучших людей современности. Писатели Советского союза, для которых Ромэн Роллан всегда являлся носителем лучших традиций литературного мастерства, для которых он являлся олицетворением совершающегося поворота лучшей части мировой литературы к пролетариату, шлют своему великому собрату пламенный привет и пожелания здоровья и бодрости.

Мы ждем к себе опять великого друга Советской страны, нашего товарища Ромэна Роллана, честного борца за торжество социалистической культуры.

КОГРЕССЕ ЗАЩИТЫ КУЛЬТУРЫ ДОКЛАД ТОВАРИЩА ЩЕРБАКОВА

— На международный конгресс защиты культуры в Париже съехались писатели тридцати пяти стран. Литература Франции, Англии, Германии СССР, США, Скандинавского полуострова, Голландии, Чехословакии, Испании, Португалии, Болгарии, Греции, колонизальной Индии, Китая и многих других стран была представлена на конгрессе. Лучших писателей мира, подлинных «инженеров человеческого духа» привлекли на конгресс свои имена, авторитеты, влияние на массы. На конгрессе присутствовали также люди, как Андре Жид, Анри Барбюс, Андре Мальро, Арагон (Франция), Генрих Манн, Фейтхангер, Брехт, Бехер, Анна Зегерс (Германия), Уолдо Франк, Майк Голд (США). Впервые в своей жизни приняли участие в международной акции англичане Форстер и Гексли, Андерсен-Нексе, Карин Михаэли (Скандинавия) и многие другие.

Что заставило всех этих людей оставить привычную обстановку, оторваться от любимого дела, ехать через моря и континенты? Ответ на этот вопрос может быть только один — искусство, творчество, мысли и художественное слово начинают понимать, что капитализм несет человечеству умственное осквернение и гибель культуры. Эти люди видят, как в странах, где у власти оказались фашизм, созданные поколениями культуры попирается фашистским сапогом и что, готовя новую войну, фашизм обирается оторванным человечеством на многие века назад.

Империалистическая война и в особенности Октябрьская революция в рядах буржуазной интеллигенции внесли раскол, оторвали наиболее честных и удумчивых и увлекли их в лагерь революции. Но это были единицы.

Значительная часть интеллигенции и писатели в том числе повернули в противоположный путь, в эмиграцию. Им хотелось верить, что кровавый военный кошмар канул в вечность и больше не повторится. Они продолжали рассматривать мир с позиций абстрактного гуманизма. Суровая действительность опрокинула и растоптала эти иллюзии. Оправдались железные законы марксизма-ленинизма, руководящими которыми коммунисты установили, что «до тех пор, пока капитализм существует, неизбежно колебания неизбежны. Они будут сопровождать его в агонии, как сопровождали его в молодости и зрелости».

Наступивший всеобщий экономический кризис многим работникам художественного слова показал, что капиталистический аппарат на пути кутя, кроме тех, какие указаны марксизмом-ленинизмом, преодолеть нельзя.

С половины 1932 г. капиталистическое хозяйство, опятавшись и срываясь на каждом шагу, начало выкарабкиваться со дня экономического кризиса. Кризис перешел в депрессию особого рода. Однако переход кризиса к депрессии особого рода не означал ликвидации экономического кризиса, перехода к экономическому подъему.

Такова действительность. Деятеля культуры все чаще и чаще пришлось сталкиваться с фактами, которые свидетельствовали, что вместе с смертельным кризисом капиталистической системы наступил период гибельного кризиса буржуазной культуры. Что это обстоит именно так, подтверждают факты, которые не бесполодно напоминают.

Приход фашистов к власти в Германии ознаменовался расправой над культурными ценностями, которые создавались поколениями. Книги авторов, имена которых являются гордостью человечества, предались анафеме.

Рост фашизма до крайности накалял всю международную обстановку. Версальский договор, на котором была построена послевоенная система отношений между империалистическими странами, ворован германским фашизмом. Во всех капиталистических странах беднейшими темами идет подготовка к войне. Подготовка войны и шовинизм — такова программа внешней политики империалистической буржуазии во всех странах. Вот почему лучшие умы, крупнейшие писатели тридцати пяти стран, сочли необходимым собраться для того, чтобы поднять свой голос в защиту культуры, объединить свои силы для борьбы против фашизма.

Враги еще накануне открытия предрекали неудачу, срыв, провал конгресса. «Как, — издевались они, — писатели, эти индивидуалисты, эти люди, у которых у каждого своя особая точка зрения, вдруг объединятся на какой-то общей платформе? Нет, этого не может быть».

Итого конгресса оспрокинули и растоптали эти пророчества. Конгресс прошел блестяще. Это собрание было в полном смысле слова интернациональным и по составу и по идеям. Это собрание не было коммунистическим по своему составу, на нем присутствовали представители различных оттенков политической мысли и философских взглядов. На конгрессе были представлены начиная от коммунистов и кончая такими либеральными писателями, как англичане Форстер, Гексли или француз Бюнда.

По ряду вопросов прошла оживленная дискуссия. Но тем ценнее признание этих людей в любви и дружбе к Советскому союзу, к коммунизму. На этом, не коммунистическом по своему составу, собрании идея коммунизма, идея Маркса—Ленина—Сталина, идея СССР — как пример, достойный подражания, мы можем прямо сказать — главенствовали. О советской литературе, о Горьком говорили с уважением.

Вдумайтесь в такие факты, как выступление Андре Жила. Вы знаете этого человека. Это крупнейший интеллигент современности, крайний индивидуалист и сторонник теории «искусство для искусства», человек, который многие годы старался укрыться от политики в башне из слоновой кости, и вот теперь этот человек выходит и заявляет:

«Только в коммунистическом обществе каждый человек, малая часть общества, может свободно развиваться».

Он высмеивает и грозит тем, кто клеветает, заявляя, что коммунизм пытается уравнять, инвализировать, сделать одинаковыми всех людей».

Он утверждает, что только в СССР есть условия для расцвета творческой личности.

Так разбивается легенда, предрассудок о том, что при капитализме есть свобода для художественного творчества. Есть отчего многим и многим задуматься и даже прийти к мысли, что это не так.

Или вот выступление другого крупнейшего художника нашего времени Генриха Манна.

«Фашизм хочет свергнуть и уничтожить марксизм, но марксизм не приступит для идиотов. Ближе к тому времени, когда марксизм свергнет господство идиотов». Для такого стиля, каким является Манн, может быть, сказанное звучит грубовато, но zároveň, а главное, правильно.

Этот же в недалеком прошлом буржуазный гуманист заявляет, говоря о фашистском перевороте в Германии:

«Эти пройденные события — еще не самые кровавые. Самые кровавые события будут тогда, когда придет час расчистки за все, что уже случилось. Такие слова на ветер не бросят, их говорят, когда все выстрадало, продумано».

Даже такой писатель, как Гексли, далеко не коммунист, заявляет: «Если бы я был моложе и смелее, я был бы коммунистом».

А ведь подобного рода заявлений были десятки. Все это свидетельствует о дряхлой мощи СССР, который

стал центром притяжения для всех, кто любит культуру и народ. Это свидетельствует и об остроте обстановки. Главнейшим итогом конгресса является консолидация сил на борьбу с фашистским варварством во всем мире. Особо надо отметить ту роль, какую сыграл конгресс для объединения антифашистских сил в самой Франции. Известное его влияние сказалось и в антифашистской демонстрации 14 июля.

На антифашистской платформе кон-

гресс объединил самые широкие круги интеллигенции. Этот фронт надо заботливо укреплять.

При этом надо подчеркнуть: конгресс объединил не только сотни тех, кто являлся делегатами конгресса, но только тысячи тех, кто за пять боевых дней перебивал во Дворце Вазимости в качестве слушателей, но и сотни тысяч людей во всех странах, которые внимательно следили за работой конгресса. И это является главным. Враждебные выступления подлых тронистов утонули в море симпатий, проявленных на конгрессе к стране Советов. Газеты даже не упоминали об этих выступлениях.

Трудно переоценить значение конгресса: оно огромно. Конгресс создал новую организацию — Международную ассоциацию писателей для борьбы с фашизмом.

Нет сомнения, эта организация сыграет свою положительную роль.

В заключение надо отметить роль наших французских друзей, вынесших на своих плечах подготовку и проведение конгресса: Андре Жид,

Мальро, Арагон, Блок, Поль Ниван, Барбюс, Муссиак — вот те люди, которые в тяжелых условиях, почти без денег организовали конгресс, который, не преувеличивая, имеет всемирно-историческое значение и войдет яркой страницей в историю борьбы за мировую культуру.

Товарищи Колцов, Лажутин и А. Караванова расскажут вам о наиболее ярких моментах конгресса, об отношении к нему буржуазной печати, о встречах, о роли и месте на конгрессе

Мальро, Арагон, Блок, Поль Ниван, Барбюс, Муссиак — вот те люди, которые в тяжелых условиях, почти без денег организовали конгресс, который, не преувеличивая, имеет всемирно-историческое значение и войдет яркой страницей в историю борьбы за мировую культуру.

Товарищи Колцов, Лажутин и А. Караванова расскажут вам о наиболее ярких моментах конгресса, об отношении к нему буржуазной печати, о встречах, о роли и месте на конгрессе

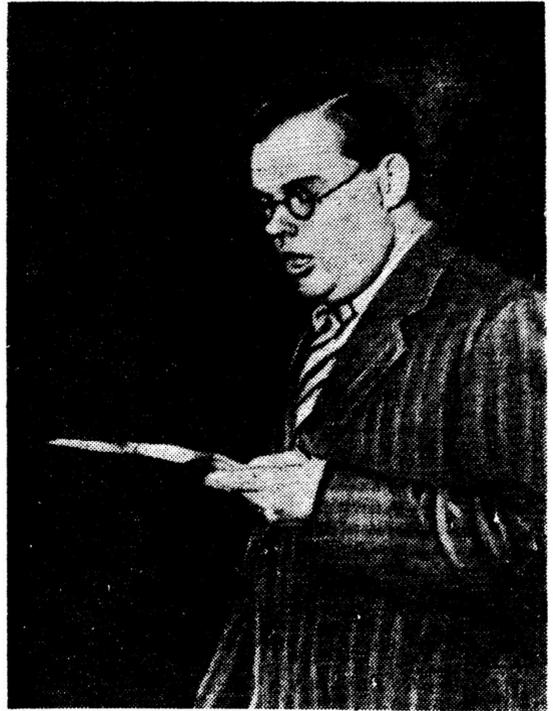
Мальро, Арагон, Блок, Поль Ниван, Барбюс, Муссиак — вот те люди, которые в тяжелых условиях, почти без денег организовали конгресс, который, не преувеличивая, имеет всемирно-историческое значение и войдет яркой страницей в историю борьбы за мировую культуру.

Товарищи Колцов, Лажутин и А. Караванова расскажут вам о наиболее ярких моментах конгресса, об отношении к нему буржуазной печати, о встречах, о роли и месте на конгрессе

Мальро, Арагон, Блок, Поль Ниван, Барбюс, Муссиак — вот те люди, которые в тяжелых условиях, почти без денег организовали конгресс, который, не преувеличивая, имеет всемирно-историческое значение и войдет яркой страницей в историю борьбы за мировую культуру.

Товарищи Колцов, Лажутин и А. Караванова расскажут вам о наиболее ярких моментах конгресса, об отношении к нему буржуазной печати, о встречах, о роли и месте на конгрессе

Мальро, Арагон, Блок, Поль Ниван, Барбюс, Муссиак — вот те люди, которые в тяжелых условиях, почти без денег организовали конгресс, который, не преувеличивая, имеет всемирно-историческое значение и войдет яркой страницей в историю борьбы за мировую культуру.

Андре Жид

СОВЕТСКАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ О МЕЖДУНАРОДНОМ КОНГРЕССЕ ЗАЩИТЫ КУЛЬТУРЫ

РЕЧЬ ТОВАРИЩА КОЛЬЦОВА

Многие из хлещих поговорок и выражений только тогда хороши, когда их точность проверена на практике. Есть выражение: «появка с годовыми средствами». Подразумевается, что такая попытка заранее обречена на провал. Когда маленькая группа французских писателей решила созвать интернациональный литературный конгресс, то средства и возможности, которыми она располагала, трудно было назвать достаточными и годными. Вы знаете, однако, чем эта попытка кончилась и во что вылилась.

Людам, живущим и работающим в Советском союзе, картина подготовки конгресса почти до самого его открытия показалась бы более чем странной. Полуденный уголок кафе и за столиком жарко беседуют три-четыре человека; если заседание разорослось — окупляются и еще два соседних столика, и на них, вместо канцелярского инвентаря — две приличные чашки кофе. Или скромная квартира парижского литератора, не квартира, а квартира, тесно заставленная сундуками, как у Жан-Ришара Блока. Или скромная редакторская комната Мальро, куда с трудом напихивалось несколько посетителей. Или у Люка Дюртена — докторский кабинет с бинтами, ножами и страшными щипцами, ибо здесь этот крупнейший французский писатель с международным именем не может кормиться своей литературной работой и вынужден с восьми до трех принимать пациентов, как врач по ушным и горловым болезням. Здесь, в великоленном особняке, который граф Осуфьев передал нам при некотором посредстве Октябрьской революции, здесь кажутся забавными многие трудности и заботы, какие охватывали крупнейших писателей, вздумавших собраться на конгресс. Забота была о зале для собраний — зал был снят на честное слово, в надежде на платную публику, которая окупит расходы. Окупит ли? Придет ли она, эта капризная парижская публика, летом, в жару, на серьезный интеллектуальный конгресс? Не только зал, почтовые марки были большой проблемой для нас. А расход на посылку телеграмм каждый раз специально обсуждался на секретариате. Целый ряд виднейших писателей в ряде стран, стремясь участвовать в конгрессе, не могли поехать в Париж по самой простой причине — не было денег на проезд.

Если говорить о помощи прессы перед конгрессом, то она была равна нулю. Ни одна газета, включая и лево-буржуазные, не хотела поместить никаких информационных. Это было даже поразительно: целый ряд известных писателей; каждый из них знает себя и связан с какой-нибудь газетой или журналом, пользуется их поддержкой, но когда эти писатели решили соединиться и как-то согласовать свои точки зрения — их же газеты объявили великий бой, то твердый бойкот этому начинанию. Дело дошло до того, что мы пробовали добиться с информационной о конгрессе через газетную рубрику зрелищ и развлечений. Между заметками о скачках в Лондон и конкурсом на дамский купальник костюм пытался пропустить четыре строчки об архивном конгрессе на котором будут выступать литературные знаменитости (смех). Но и этот маневр был раскрыт, заметка не пошла.

Гораздо больше, чем материальные и организационные препятствия, и более серьезными оказались идеологические и политические трудности. Это великопознание выражал Алексей Максимович в своей статье «О культуре», являющейся его посланием собравшимся в Париже писателям. И в самом деле, о защите какой, чьей культуры предстояло говорить на конгрессе? И от кого ее защищать, и кому? Фашизм, этот последний выкидыш буржуазной культуры, этот кровавый капиталистический уродец, ведь он тоже является предметом чьей-то заботы, чьей-то защиты. Организаторы конгресса не искали единообразия, но они стремились к единности в противопоставлении фашизма и войны к полноте человеческой культуры и цивилизации.

унаследованной и новой. Это было не легко. В сложном лабиринте интеллектуальной жизни капиталистического общества пограничная линия между двумя лагерями, двумя мировоззрениями проходит очень извилисто, временами она совсем пропадает из неопытного глаза. Осторожно, иногда в потемках, ощупью приходится искать сторонников и попутчиков. Здесь можно было легко ошибиться, приняв чужих за своих или даже самим оказаться на чужой территории под крышей врага. Разве ученичий граф Куденков-Каллерги, философ альтруист и сужорожный наборник пацифизма, разве он не создаст сейчас в Вене «Всемирную академию литературы», с самими учениками академии литературы, с самими учениками поэтическими и человеколюбивыми сериями. Он приглашает участвовать в Академии да-

же германских писателей эмигрантов, как Томаса Манна. А приглашение родом из канцелярии господина Геббельса.

Под бесогонными хитонами пацифистского графа укрыта грубошерстная униформа литуровника, олицетворяющая ветвь маскирует стальной тесак установленного армянского образа. И как поступит Томас Манн? Не мирно окончательно разойти с этим мирным писателем, власти Третьей империи газетными изданием его книги в Германии. Отчего бы Томасу Манну не вступить в столь нейтральную и мирную академию литературы? Однако, Томас Манн, человек, далеко стоящий от нас, — вместе с тем — честный и принципиальный человек. Наш конгресс застал его в Америке. И там же, в Америке, этот писатель, которому так гордились германская буржуазия, заявил: «Если придется выбирать между фашизмом и коммунизмом, я выбираю коммунизм».

Повторю, созывая конгресс, его организаторы менее всего стремились видеть что-нибудь единообразное. Это оказалось в оживленном столкновении мнений по литературно-творческим, профессиональным и второстепенным политическим вопросам. Не гнались мы и за словесным ярлыком революционности. Классовая борьба в мире вошла сейчас в такой сложный фазис, что слово революционный часто отрывается от своего старого привычного смысла. Немало весьма р-р-революционных литераторов изливает свою р-р-революционность в защиту реакционных и угнетательских идей. Да и разве германские фашисты не называют свой захват власти революцией? У них революцией называются ведь и расстрелы 30 июня... Среди писателей, примкнувших к тевтонскому конгрессу,

были такие, которых мы шути называли улитками. Это углубленные в союды литераторы-индивидуалисты, предпочитающие тихую кабинетную работу публичным выступлениям. Однако сейчас, когда весь мир разделяется на два стада для последней непримиримой борьбы, и среди улиток пошло некое расхождение. Как ни медленно ползет улитка — у нее есть свое направление. Мы были внимательны к антифашистским улиткам — им, при всей своей тихости, можно верить дойти до цели, чем прытки, но неразорочивый Ахиллес!

Были и ответные сомнения, колебания и уже не со стороны приглашающих, а приглашаемых. Что за конгресс, к чему он, зачем. Не будет ли он просто политической конференцией — стоит ли затевать такую. При столь широком разнообразии направлений — возможно ли хоть какое-нибудь единство. Не будет ли захвачен конгресс право-либеральным крылом. Или наоборот, — не превратится ли в коммунистический... Сколько раз приходилось потом слышать растопленные восклицания этих, вначале так сомневавшихся людей. Ницого не потеряв в своей видности, они приобрели новые силы, чувствуют свое единство с другими новыми друзьями, союзниками против фашизма и войны.

Однако, все это развернулось лишь на конгрессе, а перед его началом организаторам пришлось пережить не мало часов уныния. Был день, когда казалось, что все усилия сделаны впустую, что ничего не выйдет, никто не является — ни публики, ни писателей. И вечером этого дня вдруг пришла первая телеграмма от делегата, с просьбой встретиться на аэродроме. И понто, и понто, пароходики, поезики, автомобили, из Колонгана, из Нью-Йорка, из Софии, с Антильских островов. А там, смотришь, еле на Гар лю Нор, и по пергону пы-

вет наша уважаемая Анна Александровна Каравасва (смех). Писанная просьба о включении в состав делегации, стала раскупаться входные билеты, потекли запросы и тревоги разных сортов. Одному писателю нехватало денег доехать третьим классом до Парижа, другой запрашивает телеграфно, с оплаченным ответом, захватывать ли фрак и вечернее платье для жены — будут ли рауты или только простые коктейли? (смех).

Для тех, кому судьба конгресса была близка и дорога — самым мучительно волнующим моментом был день его открытия. С трепетом пришли мы вечером к зданию «Взаимности». Мы извещали: делегаты на местах, аля полон двутысячной толпой, этот зал, снятый с таким риском. За столом печати — полтора журналиста. Андрей Жид лично открывает конгресс короткой вступительной речью, и вот уже Форстер делает свой доклад, и Жюльен Бэнда выступает с речью о двух философских системах, и Жан Гезно атакует его в стремительной и страстной полемике, подержанный Жаном Капсу, а Жан Топпинг Лупод дает тонкий и убедительный профашистский анализ взглядов на культурное наследие. И горизонт проясняется, и уже видно, что здесь происходит не просто собрание, не очередной литературный диспут, не выставка популярнейших писателей, а серьезная и важная встреча лучших представителей мировой литературной интеллигенции, встреча для споров, обхождения и консолидации. Вследствие некоторых горячих голов из парижской молодежи решили, что со времени энциклопедистов восемнадцатого века настоящий конгресс был крупнейшим культурным явлением. И не берусь записывать такое утверждение, но оно показательно — как обернулось и впоследствии как препомянулось в устах отважных «спитак» с негодными средствами» (аплодисменты).

А главное — на другой день, вместо трех строчек, которые никак не помещались в отделе зрелищ второстепенных газет, появляется первая большая статья в «Тан». Первая, и далеко не последняя. В этой большой статье тревожные сигналы о том, что коммунизм наступает, и уже не на экономическом и политическом только фронтах, а в области культуры, философии, эстетики, и наступает во всеоружии, имея в числе наступающих Андрея Жиду, Максима Горького, Форстера, Томаса и Генриха Манна. Статья в «Тан» только открывала собой шествие — вы видите, сколько написано о конгрессе (показываю воров вырзком), и это далеко, далеко не все. Больше ничего не нужно было просить, не случается в редакции. Для буржуазной печати конгресс стал крупной темой. Любопытно, что одна крупная левая газета, вымате не издающаяся ни звука о конгрессе, — на третий день не только поместила полностью речь Андрея Жиду, но и тиснула возмущенную заметку — почему де-мол замалчивалось в печати такое важное событие! (смех).

О счом ходе конгресса вы знаете из газет. Сидя в зале, мы особенно ярко восприняли несколько выступлений. Это были две насыщенные, концентрированные содержанием и огнем речи Андрея Мальро, блестящая и в построении, и по глубине, и по смелости речь Луис Арагона, яркая, надолго сохранившаяся речь Генриха Манна, Жан-Ришар Блока, Фейхтвагнера, Форстера, Томаса, Шамсона, Ницана, отличная доклад Барбуса на тему «Нация и культура». Наиболее сильным впечатлением и документом конгресса является речь Андрея Жиду. Честная речь. Честная в своем суровом пафосе, честная в своих сомнениях, недовольностях и в своих утверждениях. Заключая эту речь, Андрей Жид затронул чувствительный пункт в психологии левых и дружественных критики, атакуя писателей, идущих к пролетариату. Так атаковал Андрей Мальро на одном литературном собрании перед конгрессом. Ему говорили: «Мы знаем, вы за коммунизм лишь постольку, поскольку он в большинстве стран является ученым гонимым и мученическим. Вы

сочувствуете большевикам, пока их пытаются в китайских и германских стенах. Вы восторгаетесь ими, пока они в меньшинстве идут на смерть за свои идеи. Лишь сентиментальное сочувствие к слабым питает ваши симпатии к коммунистам. Коммунизм побеждающий вас восторгает меньше. И еще вопрос, близок ли он вам».

На этот вопрос Андрей Жид, от имени своего и близких ему писателей отвечает прямо и четко: «Сегодня все наше сочувствие, все наше стремление к общению и все наша нужда в нем обращаются к угнетенному, обманутому и страдающему человечеству. Но я не могу думать, что человек перестанет нас интересоваться, когда он не будет больше голодать, страдать и находиться в порабощении. Я отказываюсь признавать, что он заслуживает нашей симпатии только тогда, когда он несчастлив. Я согласен что страдание часто возвышает, когда оно не становится для нас, оно нас кует и закаляет. Но все-таки мне приятно видеть в своем воображении социальный закон, при котором радость будет допускать, а не вытеснять, которым эта радость будет помогать расти». До этого, на всем протяжении своей речи, Андрей Жид говорил, какой именно социальный строй восторгает его воображение. Это строй советский социалистический. И для меня наиболее ценным в этой речи является именно заключительное место, где крупнейший писатель современной Франции оправдывает, возвышает не только борьбу за коммунизм, красоту этой борьбы, правоту этого движения (говаривают ведь «движение — все, цель — ничто»), но и его цели, в развернутом виде, социалистической строй.

День за днем, утром и вечером, десятками, сотнями, выступают с трибуны конгресса люди разных стран, разного воспитания, разной психологии и не сошваривались, говорят об одном. Не просто люди — писатели, мастера мысли и слова. Они приносят с собой лучшие мысли, лучшие свои слова. Что толкнуло всех этих людей или створившихся сюда, в зал Митюалитэ. Разных людей толкнуло разное. Андрей Жид признало чувство одиночества. Он говорит, что «общаться со своим классом для буржуазного писателя невозможно... СССР для нас теперь зрелище невиданного для нас значения». Зрелище, да, и скажу прямо, пример. Это страна, где писатель может вступить в непосредственное общение со своими читателями. Вместо того, чтобы плыть против течения, как вынуждены эти делать мы, он может отдаваться течению. Он может находить в окружающей его действительности и вдохновение, и волю, и непосредственный отклик на свое произведение... Жан-Ришар Блока толкает другое. То, о чем он говорит в своем заявлении в «Правду»: «Пароль Запада и Дальнего Востока ведут трагическую борьбу, обороняя последние остатки идеологии из них демократических свобод. От пыльных зданий парламентаризма, созданных европейскими революциями прошлого века, остались только пошлые обломки. Мы защищаем эти обломки не потому, что они нам принципиально или романтически дороги, мы вынуждены защищать их потому, что они являются единственной вехой они составляют единственную преграду против наступающего на нас фашизма. В это самое время партии Советского союза развертывают блестящие образцы все новых и новых форм социалистической демократии».

С какой жаждой всматривается западная интеллигенция в нашу страну, где, на социалистической основе, расцветает личность, раскрываются возможности ее развития! Сколько писателей интересовались во время конгресса сталинскими речами о внимании к человеку, об уважении к человеческой жизни и достоинству личности!

А вот группа писателей, на которую лежит отпечаток трагизма. Лучшие германские мастера слова — Генрих Манн, Лион Фейхтвагнер, Берд Врехт, Леонард Франк, Эгон Эрнст Кинг Эти уже — не в предчувствии надвигающейся катастрофы,

они — ее жертвы. Они сами — живым пример того, как постигает фашизм с лучшими писателями, с мирными деятелями искусства, как он с корнем вырывает их из родной земли, швыряет ключами по свету. Часы и дни выступлений германских писателей были напряженными, трагическими часами и днями сзла. Они электризовали зал суровым волнением. Помню, как наш товарищ Густав Реглер, молодой германский писатель, человек весьма уравновешенный, начал свою речь о методах литературного творчества, не забывал себя увлекать, и, оставив в ответ тогда, когда из зала в ответ началось пение «Интернационала».

Реглер был смущен таким неожиданным эффектом. Он спрашивает меня потом: «разве я говорил в агитационном духе? Ведь это не в стиле конгресса». Да, по стилю конгресс был серьезным и спокойным, по интонации водны воинствующего, боевого характера захватывали и публику, и делегатов. Андрей почтенный писатель, занимающийся в своей стране правительственной пост, сказал после первого вечера, на котором происходила только еще общая глубокомысленная дискуссия: «Знаете, я все-таки не смогу выступать с такой трибуны. Официальное положение не позволяло мне». А на четвертый день, после того, как в зале несколько раз пели «Интернационал» и выступили бергелки из фашистской Германии — он объявился и попросил себе слова (смех, движение).

Я полагаю, что мы не точно переводим на русский язык название конгресса, именуя его конгрессом защиты культуры. Если перевести это обратно на французский — получится: «Congrès pour la protection de la culture». Между тем, название было «pour la défense de la culture». А это значит — конгресс для обороны культуры. Он был именно таким, именно с тем оттенком, который придался в нашей стране слову «оборона», в применении к тому, что подвергается угрозе нападения, и что нуждается в обороне активными действиями. Защита — это более последовательное, спокойное: защита растений, защита от дождя. Наркомат же обороны мы называем наркомат нашей Красной армии. И Парижский конгресс — он был конгрессом не защиты, а обороны культуры (аплодисменты).

Что касается нашей советской делегации, то она, можно сказать без преувеличения, была самой популярной и любимой на конгрессе. Конечно, кое-кто из нас, советские делегаты, сделали для этого: в частности, было правильно, что ряд советских делегатов, в интересах иностранных товарищей, вернулись в своих выступлениях к тем уже старым для нас пройденным вопросам, которые, однако, продолжают тревожить и мучить писателей в старом, капиталистическом обществе. Но в основном — не будем обманываться — не мы сами, не наши скромные книги и речи были причиной уважения и любви, которыми нас окружали. В нас уважали и приветствовали литературу семи чудесных советских стран, к нам приступивались, как и подмастерья великого мастера литературных дел Максима Горького. В повесте для нас было Советское Союзу, по яв один из ста четырех оборотев конгресса ни один! — не оборота без упоминания о Советском Союзе, и всегда с признанием, и почти всегда с восхищением. Это его, Советского Союза, успехи и победы делали нас не столько больше и умнее. Это блеск сталинского мужества и мудрости отвечал на нас и придает кое-какой интересный ореол. Разлука и горло было окаянному нам приему, мы не должны ни секунды забывать, что является его основной причиной.

Полные говорить, насколько приятно впечатление окружили нас оставши парижской России, пробовавшей сейчас за границей (смех, движение) на боюльдом сложении. Русские белоаварцы буквально шныряли среди советских писателей, разглагольствуя их, как жирафов. В конюшне журналиста я подобрал вот эту визитную карточку, на которой французским шрифтом изображено: (Pavel Petrovich Iacqumont, Littérateur et

Escrivain Russe Emigré. Ville natale Ouralask) (Лавел Петрович Яков, русский эмигрантский литгоут и писатель. Родной город Уралск (смех). Изю для в зале в эмигрантской печати сообщалось подробнейшим образом, что Тихонов похож на амфибию, что Толстой еще больше пододдет (смех), а Тьщину зовут Гришкой (смех)).

Но при всем желании как-нибудь записать, увидеть, услышать советских писателей, даже наша печать не могла не признать наших успехов в конгрессе, и на родине. Из всех откликов зарубежной печати я позволю себе привести именно отклик наших земляков, врагов, русских бывших эмигрантов. Именно из газет «Последние новости» (27 июля 1935 года), орган Бунина, Зайцева, Шмелева, выцуденно признает: «Делегация русская несомненно наиболее популярна в публике, ее ораторов и встречают и провожают наиболее шумными выражениями симпатии. Защита культуры слишком часто принимает характер пропаганды советского режима. Эта нота к сожалению звучала сильнее остальных на конгрессе».

И еще «Советская делегация получила права гражданства не благодаря тому, что Алексей Толстой лояльно трактовал тему о свободе, а благодаря тому, что «Петр» его расхотел в миллионе экземпляров и поставил в сельские библиотеки и в казармы. Другими словами, людям Запада, захваченным от одиночества и скуки бедней импонирующая активность советского режима в области культуры». Лавел, не возмужая (аплодисменты).

Я не стану, товарищи, делать общих выводов тем более, что товарищ Шорбаков уже осветил ясно и хорошо характер конгресса его значение и обстановку, в которой он происходил. Хочу закончить последнюю из парижских картин. Алексей Максимович физически не присутствовал на конгрессе, временное нездоровье помешало ему совершить далекий путь. Он не присутствовал физически, но имя его было в зале конгресса на устах многих и много какждый день. А после конгресса мы поехали в парижский пригород Вильжюиф на открытие бульвара имени Горького. Парижские рабочие, которые сейчас имеют в своих руках муниципалитет почти всех предместий столицы — она лучшую улицу Вильжюифа назвали именем великого пролетарского, советского, русского писателя. И на этом празднике, выражая наши языком, смички французских рабочих с советской литературой — присутствовал активнейшим участником любившей писатель французской интеллигенции, Андрей Жид. Неважно, перед этим Андрей Жид, уйдя из своей большой и тихой библиотеки, впервые в жизни открыл большой международный литературно-общественный конгресс. Затем, впервые в жизни прочел доклад перед тремя тысячами человек. И затем — тоже впервые в своей жизни, пошел на улицу — на рабочую, фабричную, ашваривать бульвар имени Горького. Мы жаркий воскресный полдень, непривычная вереница роскошных автомобилей стремилась через предместь, за город, к зелени, к воде. По социальному происхождению, по навыкам и привычкам штидистам двух лет, по прежним знакомствам и связям Андрей Жиду было место в одной из этих машин. Но он предпочел стоять здесь, на деревянном помосте, у дощечки с именем Максима Горького и, напрягая голос в уличном шуме, провозгласил слова уважения, любви к великому писателю Страны советов. А когда скромный рабочий оркестр заиграл «Интернационал», Андрей Жид, вместе со всеми поднял свои писательскую руку, сжал ее кулаком, по ротфронтности. И в этом, если хотите, я вижу символ нашего времени. Перед страдальным призраком фашизма, перед угрозой разгрома культурных ценностей человечества, все лучшее, все честное, что сохранилось среди интеллигенции капиталистического общества, идет к рабочим и обороняется, поднимает кулак на пролетарский малпр (бурные аплодисменты).

РЕЧЬ ТОВАРИЩА ЛАХУТИ

— Товарищи, я расскажу вам только несколько фактов, так как политическая и теоретическая оценка конгрессу уже дана была в предыдущих речах. Мне в связи с болезнью пришлось поехать в Париж одному, позднее остальных товарищей. Ехал я через Вену. Там мне пришлось дня на два задержаться для получения швейцарской визы. Воспользовавшись этим, я разыскал знакомого коммуниста и вместе с ним отправился на такси осматривать город. Мы видели и старинные здания, и музеи, и места последних боев венских рабочих, и дома, подвергшиеся бомбардировке. Но вот что показало мне (да и вам, я думаю, покажется любопытным) и очень интересным штрихом. Мы очутились за городом и ехали лесом по дороге, ведущей в горы. Разговорился с швейцарцем и он рассказал нам такую историю. Несколько недель назад эту дорогу ремонтировали прибывшие на прогоянции четверть километра, и проезд по ней был закрыт. Приходилось тратить час времени, чтобы вернуться назад и поехать другой дорогой.

— В это время, — рассказывает швейцарец, — подехала машина, в которой сидели наши товарищи, приехавшие из Москвы. Видно, большие люди, коммунисты. Они вышли из машины, стоят, советуются. Рабочие, доглядевшие, что это русские, подошли, заговорили с ними. Убедившись, что перед ними люди Советского союза, тогда рабочие подошли, пока уехали другие машины, и сказали: дайте нам десять минут срока, мы хотим сделать одну вещь. Подождите. Через десять минут дорога была приведена в такой вид, что по ней могла пройти одна машина. И русские товарищи проехали по ней, провозвозя приветствиями рабочим. Немедленно вслед за этим все следы этой импровизированной эроты были уничтожены и все происшедшее скрыто от посторонних глаз.

Этот факт необычайно ярко характеризует настроение венских рабочих,

их отношение к советским гражданам. Трудно передать, с каким волнением и гордостью рассказывал швейцар об этом случае.

Приехал в Париж. Мне очень хотелось увидеть французскую деревню. С другими нашими товарищами поехать не удалось. Они были очень заняты. Но я опять-таки нашел одного знакомого и тот по моей просьбе повел меня в ближайшую деревню. В деревне под Парижем не принято, как у нас, войти в любой дом и спросить стакан молока. Там в каждой деревне три-четыре ресторана. Что делать? Надо же найти какой-нибудь предлог, чтобы заговорить с жителями. Все же входим в один дом и заставляем там старуху, окруженную детьми, очень трогательными, очень бедными детьми, уверяю вас, гораздо более грязными, чем дети старого Таджикистана (смех в зале). Спрашиваем ее: не желает ли получить несколько стаканов молока. Она отказывает нам, сославшись на ресторан. Мы продолжаем просить, говоря, что нам очень хочется пить молоко именно здесь, и между тем разговариваем между собой по-русски. Старуха заинтересовалась нашим языком, стала рассказывать нам и когда узнала, что мы русские и приехали на конгресс, она сразу превратилась в гостеприимную хозяйку из русской деревни. (смех в зале). Уточила нас молоком, распришивала подробно про нашу жизнь, про наших рабочих и крестьян. Очень интересно то, что одним из первых ее вопросов было: «Приехал ли Горький?» — «Нет», — отвечали мы, — она болен». Она глубоко вздохнула и сказала: «Болен? Ох, как жалко!» (Движение в зале). Вот куда доходит идея наших советских писателей.

До меня здесь говорили о прогрессе, о шаге вперед европейских писателей. Эти писатели смело выступили в первый раз в своей жизни и смело записали СССР. Я хочу добавить несколько слов о тех условиях, в каких они выступили в этой защитной. Надо было сидеть на этом конгрессе и ви-

деть, как зал буквально окружен был вооруженной полицией. Не только в помещении, где происходил конгресс, но и на каждой прилегающей улице было не меньше 20—30 полицейских. Что же заставило этих писателей Франции, знающих, что они каждый час могут быть арестованы, подняв руку с пролетарским приветствием и говорить: «Да здравствует СССР»? Что побудило Андрея Жиду в ответ на выступление провокатора-троцкиста сказать: «Пусть СССР знает, что мы верим ему и любим его!» Я представляю это так. Стоит голодный, измученные люди перед огромной стеной. Между ними и этой стеной другие звери, ядовитые змеи, смерть. Этих людей говорят, что за стеной рай, изобилие, счастливая жизнь. Но они не решаются взобраться на стену, они боятся еще больших страданий и смерти. Пусть лучше будет голодно, но зато проживут дольше. Но вот опускается часть стены и показываются ветви прекрасных деревьев, доносится аромат плодов, слышны песни детей. Эти люди уже видят образ прекрасной жизни, они дышат в этом саду. Они видят рай воочию и тогда они решаются: пусть понадем в пасть зверя, это не хуже, чем то, что мы переживаем теперь, зато мы, быть может, попадем в рай.

Так и писатели эти, видя СССР, слыша о нем, уже подучили ясное представление о стране социализма и вот они начинают бояться полиции, преследований, опасностей. Они говорят: «Да здравствует СССР, единая родина пролетариата!».

В последние дни конгресса более полудотры тысячи человек оставались на улице потому что в зале нехватало места. Выходящие из зала заседания — и теб засыпают вопросами об СССР, о колхозах, о жизни советских трудящихся. Так бывало когда-то люди приезжали из Мексики и их засыпали вопросами: были ли там дожди в этом году, какая цена на хлеб и пр. Здесь же спрашивали о

социалистической Мекке, об СССР, о Москве, здесь интересовались не ценой хлеба, но тем как живут народы, как развивается литература, как здоровье Алексея Максимовича, по-дружески тепло спрашивали: не кашляет ли он, не поуходил ли? (Движение в зале).

Однажды мы вернулись к себе поздней ночью и застали закрытыми наши рестораны, т. е. те рестораны, которые нам подошли. Там есть другие рестораны, которые открываются в 12 часов ночи и работают всю ночь, этикие развратные рестораны. (смех). Но эти нам не нужны были. Одно кафе посромнее — смотрим — только закрывается. Просим, постяна ли подождать, очень хочется пить. Нет, говорят, нельзя. — Жаль, жаль, — говорим мы между собой по-русски. Тут хитрый кафе заперевалось, что мы такие, что здесь делаем. Мы ему рассказали, что мы русские, приехали на конгресс. Дав нам слово, и тут произошло немедленное превращение Французское кафе преобразилось прямо в красную чайхану. (смех, аплодисменты) Нас впустили, сейчас же все подали, хозяин долго с нами разговаривал и потом мы часто заглядывали в это кафе.

Я выступил в клубе «Юманите», где собрался артисты, писатели — все коммунисты. Было человек пятьсот народу. Задавали много вопросов. Одна девушка настойчиво спрашивала о положении женщин в Средней Азии, в национальных республиках, во всем СССР. Я рассказывал о жизни таджикских, узбекских, туркменских девушек. Через три дня Арагон передал мне это письмо, написанное на французском языке, очень искреннее и пламенное, и сказал, что писавшая его просит передать это письмо девушкам Средней Азии. От ее имени я прошу нашего товарища Мих. Кольцова опубликовать это письмо.

Когда я ехал обратно в СССР, меня узнал в вагоне какой-то журна-

лист. — Вы месье Лахути? — Да, я Лахути, вот только насчет месье не знаю. (смех). Вы были на конгрессе? — Был. — Мы разговорились о конгрессе. Против нас сидела женщина и внимательно слушала. На одной станции она собралась выходить, сложила вещи, вынесла их и вдруг торопливо вернувшись, обратилась ко мне: «Дайте мне свой бюклет», — сказала она просительно. — Я напущив вам свой адрес, и вы пришлите мне по этому адресу свои книги и стихи. Я очень люблю поэзию. — Я дал ей свой бюклет, она что-то написала тула, положила в мой карман и убежала. Через несколько минут я заглянул в бюклет. Вот что там было написано вместо адреса (Кольнов зачитывает записку и перевод на русский язык): «София Хар-

вин, американская пролетарка умственного труда, посылает вам пламенный привет. (Лахути: Не мне, а всему Советскому союзу) от имени всех угнетенных моей страны. Мы объединяем вас, товарищи, отдайте нашу жизнь, чтобы последовать вашему примеру и защищать вашу славную победу до последнего дыхания. Пролетарский привет! Вы видите, эта работница боится говорить открыто, о слова руется из ее сердца.

И вот другая встреча. Со мной ехали двое — муж и жена. Они тоже узнали, что я из СССР, разговорились со мной. У них большое горе. Какое же горе? У них растут трое детей. Почему же это горе? Дети раба, учатся но когда они кончат учебное заведение, что будут они делать? Они определенно знают, что дети погибнут. Затем они спросили меня: «А у вас есть дети?» Я рассказал им, что у нас никто не боится за судьбу своих детей. Мы знаем, что есть пролетариат, есть советская власть, есть коммунистическая партия. У нас есть надежда, потому в нашей стране много детей. Тогда женщина вынула из своей сумки маленький бюклет и сказала мне: отдайте это своей дочери, у которой есть надежда, есть будущее и притвердуйте ее от нас. Это еще один маленький факт из жизни, которую мы видели по пути на конгресс.

Еще раз от всего сердца прошу т. Кольцова напечатать письмо французки и напечатать, что девушка Средней Азии напущив ей хороший ответ. (Аплодисменты).

СОВЕТСКАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ О МЕЖДУНАРОДНОМ КОНГРЕССЕ ЗАЩИТЫ КУЛЬТУРЫ

РЕЧЬ ТОВАРИЩА КАРАВАЕВОЙ

Очень много незапланированных воспоминаний у каждого из нас о конгрессе в зале Дворца Взаимности. Конечно, все внешнее очень мало напоминает наш Колонный зал в дни первого съезда советских писателей, но нельзя ни на минуту забывать, что конгресс — это дело группы писателей-энтузиастов, частная инициатива.

Вот Андре Жид, широкоплечий, сущо-ави, опираясь на стол большими старческими руками, открывает собрание.

Да, культуре угрожает опасность, — вот почему передовые писатели мира так горячо озабочены на призван французских писателей. Но надо не только высказывать каждому свое мнение и пожелание, но и выяснить, как в каждой стране проявляется эта угроза культуре и миру и что нужно делать, как бороться против этой угрозы.

Одни за другим поднимаются на трибуну писатели разных стран. Все это в большинстве своем люди полтора десятка лет. Это поколение влило импералистическую войну 1914 — 1918 гг., варитые, истерические верованиями от сырьевых крестьянских, бездомных, нищих, раненых, науроложенных, убитых; потом, в послевоенные годы, — иллюзорное благополучие держав-победительниц. Многие думали, что все уже устроилось к лучшему — и вот кризис. Они были поражены страшным обилием самых злокачественных болезней своего общества, класса, среды, быта. Все стало неустройчивым, все начало гнить на глазах. Художники и мечтатели, они дышали отравленным воздухом. Из бездн отчаяния, болезней и нищеты опять поднимаются знакомые во 1914 г., но еще более зловещее воистинное рычание, и душа лезет и ружей смотрит навстречу, как некаясь ритм чудовищ. Так значит, опять, опять? Нет, этого допустить нельзя — они, художники, считают себя прежде всего честными людьми.

И вот они здесь, в зале «Мотвалле»! Многие, очень возможно, просто даже не узнают себя: «а я ли это говорю?» А многие, сойдя с трибуны, вдруг обнаружат, что вот именно

сейчас стало им ясно, что в них самих произошло все это время.

Вот англичанин Форстер, писатель-либерал. Быва ли Форстер думал, что в июне 1935 г. он будет критиковать хваленые и достославные английские традиции, английские «свободы». Правда, не очень-то легко это дается человеку. Вначале он выражал это сдержанно: английские «свободы» еще-де пригодятся на что-нибудь хорошее, их-де можно уважать. Но вскоре оказалось, что уважения к ним у оратора как раз и нет. Эти свободы, которые существуют «только для господствующего класса». А как приходится работать писателям? О многом просто «не разрешается» писать, чтобы не подпасть под действие закона о «подстрекательстве к восстанию». Тяжело, конечно, за собраться по перу когда за неугодное правительству книги, закон о книгах издается, а затем, когда декретом писателей облагают таким штрафом, что оплатить его можно только выслугой в тюрьме. И жалко, и неловко, как-будто критиковать, а надо, советь приказывает. И это конечно будет кое-что стоить потом.

— Если будет война, меня и Гексли выгонят из Англии.

Этот либеральный писатель, творческая жизнь которого прежде проходила ровно и спокойно, как река в пологом русле, почувствовал потребность собой, обнаружил, что у него нет храбрости, упростила, жаждал борьбы.

— Главная опасность война... Если бы я был храбрее, я был бы коммунистом!

Чем больше слушаешь и думаешь о каждом писателе, который принес сюда на конгресс, самые важные свои мысли, тем сильнее ощущаешь как углубляется и расширяется понимание писателей в этот конгресс. Здесь не только протестуют против войны и против фашизма; нежность и отвращение к ним чувствуешь, как нечто абсолютное, не требующее доказательств. Разговор идет не только о войне и фашизме, но и о капитализме как системе, рождающей фашизм. Здесь, на конгрессе, мастера культуры предъявляют свои

чет капиталистической системе. Стучат некоторые их формулировки еще расплывчатые — все равно — но как на свете не уласть доказать, что люди, здесь собравшиеся, верят и уважают капиталистический строй. Какая уж там вера, когда почти в каждой речи звучит презрительная уверенность в обратном: да разве может этот строй обогащать творческую личность, разве может он азбужать людей подлинной радостью труда, любовью к жизни? Разве может он, со своим законами повиновения, способствовать общению народов и культур? — Нет и нет. Чему капитализм может научить такого писателя, как Андре Жид, который полагает, что «можно быть глубоко интернациональным, оставаясь подлинным французом», что «совместно коммунизму можно сохранить свой индивидуальность — больше: обогащая свою индивидуальность с помощью коммунизма!» — В капиталистическом обществе писатель одиноч: только Советский союз является страной, где «то, что правильно для народа, правильно и для индивидуума». Вот как разрешает проблему индивидуального Андре Жид.

И вот он горестно, «общественный человек». И вот они возмущающие и укрепляющие творческую индивидуальность, «социальные драмы», о которых с такой страстью говорит Анри Барбюс. Человек-художник больше не один... Да и разве можно теперь быть одному? Это стремление к солидарности, к объединению под знаком общей борьбы против войны и фашизма повторяется во всех речах.

Никто не мог пройти мимо творческой проблемы в Советском союзе. Огромная могущественная страна так поставила у себя дело культуры и искусства, что сумела в этих условиях писателей затронуть самое современное в них: мету и вдохновение художника!

Весь это оно, художническое искусство, страдает, задыхается в гнилой, отравляющей атмосфере кризиса, повсеместной нищеты, духовного опустошения и бешеной полготовки к войне.

Мне хочется рассказать о нескольких

их непростительные запросы журналиста, связывает их друг с другом, например, путем переписки. Нет, этого у них нет. Я рассказывала в общих чертах, как это у нас в Союзе делается, как читатели и читательницы пишут письма в «Правду» и в «Комсомолку», журнал «Молодую гвардию», как, наконец, в наших

Я в своей речи рассказала, какой большой силой, политической, культурной, производственной и моральной, сделала женщину наша партия и советская власть. Мне хотелось и конечно, было то, рассказать еще об этом, к сожалению, нельзя было сделать: уж таков стиль всех французских «приемов» — речи не более 5 — 7 минут. После моей речи меня окружила целая группа женщин, посылались вопросы: — сколько в СССР женщин-писательниц? как они работают и т. д.

Я рассказала о Сефруинной, Пагния, Герасимовой, Копповой, дружески поговорила на них, что у нас в Союзе французских писателей, пожалуй, знают лучше. Собеседницы мои не обиделись и только сказали, что у них в Париже таких условий для хорошего знания иностранной литературы, как у нас, конечно нет и не может быть. Я о этом согласилась — и беседа наша продолжалась. Здесь были лучшие активистки Лиги и сотрудники журнала «La femme» («Женщина»), который издает Лига: Гертруда Дюб, Этьенн Коштан, Мария Работе и прелестная писательница Жоржетта Геген-Дрейфус, написавшая талантливым и социально заостренным произведением, роман «Ты будешь рабочим». Энтузиастки журнала рассказывали мне о все растущем влиянии коммунистов в работе Лиги, о нехватке миллионов женщин к войне и фашизму, о работе журнала. Писавшая его чрезвычайно трудно — главное, ли когда нет денег. Журнал рассчитан на широко читающую массу женщин-интеллектуалок, как там говорят, мелких служащих, работниц, крестьянок. Журнал очень хочет связаться с нашими советскими журналистами.

Я спросила, знают ли они интерес своих читательниц, собирают ли их пожелания, отвечают ли на

них непростительные запросы журналиста, связывает их друг с другом, например, путем переписки. Нет, этого у них нет. Я рассказывала в общих чертах, как это у нас в Союзе делается, как читатели и читательницы пишут письма в «Правду» и в «Комсомолку», журнал «Молодую гвардию», как, наконец, в наших

Жоржетта Дрейфус с хорошей завистью говорила мне: «Как вы все счастливы, что можете так свободно и дружески общаться со своими читательницами, с работницами, с колхозницами, с учащейся молодежью. Попробу-

вали бы мы сделать что-либо подобное!»

На приеме в советском полпредстве я познакомилась со старым профессором востоковедения, директором Института восточных культур профессором Буае. Он прекрасно говорит по-русски, читает советских писателей и считает русский язык «одним из самых звучных и красивых языков мира», — «Вот хорошо бы было, сказал он, если бы вы, советские писатели, побывали в нашей деревне, посмотрели наших французских мужиков». Он Буае считает, что мировая литература обогатилась бы рядом прекрасных произведений в деревне.

Редактор журнала «Эвр» Эжен Гессе высказала мнение, что авторитет и популярность советской делегации на конгрессе — «вещь совершенно естественная».

— Вы все представители могучей страны, где культурная жизнь чрезвычайно разнообразна и интенсивна.

Она увлекается советским театром. — Все мои, француз, сейчас немощно русские, а русские немощно француз, — сказала она (без каких-либо любезностей в этом деле не обольщайся). Да и разве, где-нибудь можно найти столько необыкновенного и интересного, как у вас в СССР? Не удивительно, что советскую делегацию так хорошо встретили и так внимательно слушали на конгрессе.

И вот конгресс кончился. Писатели 35 стран разошлись по домам. Для либеральных писателей особенно этот конгресс был своеобразной школой гражданской храбрости, а эта трибуна в Зале Мотвалле — первым их выходом в шумный, полный ветра и огня мир классовой борьбы.

оборона

Нет никакого преувеличения в заявлениях т. А. Щербанова и предсказательстве делегации в ДСП т. В. Стасюка, что парижский конгресс является исторической вехой в жизни зарубежной интеллигенции.

Этот конгресс ярко продемонстрировал рост революционных настроений даже в той среде, которая воплотилась в величайшую добродетель, которая утверждала свое право находиться «с стороне от схватки», обобщая иллюзии временной стабилизации послевоенного периода. Но скоро эти иллюзии развеялись, как дым. Жесточайший кризис потряс основы капиталистического строя, и перелупавшаяся на себя буржуазия отказалась даже от фигурных листов демократии и парламентаризма, служивших средством для одурмачивания масс, и призвала на помощь единственную теперь «опору в предратной судьбе» — фашизм.

На историческую арену выступило средневековое, помноженное на современную технику пыток. В ужасе наблюдают передовые элементы Запада, как расправляется фашистские громилы с трудящимися массами, какими злопыхателями пытаются они увлечь за собой отсталые слои населения, как рушатся под их скандальными устои культуры, накопленной человечеством в течение многих веков.

Но все, однако, находят в себе смелость сразу занять нужную позицию в борьбе с опасностью, угрожающей мировой культуре. Многие, по мере возможности, выражают свое возмущение в антифашистском патристическом «суде». Другим, лучше представляющим мировую литературу, как Андре Жид, Генрих Манн, Жан-Ришар Блюа, Андре Мальро, безоговорочно становятся в ряды непримиримых врагов фашизма, отдавая весь

свой авторитет, все свое громадное дарование, весь благородный пыл своей души делу борьбы за ту страну, где нарождается новая, подлинно человеческая культура.

Громко и мужественно звучали голоса этих людей на самом конгрессе. Но многие ли знают, сколько неукротимой энергии, сколько страсти и инициативы, какую выдержку и волю обнаруживают они в тех трудных условиях, в которых протекает подготовка к конгрессу?

Очень ярко обрисовал эту обстановку в своем выступлении МИХ КОЛЬЦОВ. Одним из главных условий труднейшей являлось отсутствие материальной базы. Нехватало средств даже на марки для деловой переписки. О телеграммах и говорить не приходилось: вопрос о них в каждом отдельном случае решался чуть ли не голосованием.

Надеялись собрать некоторые средства уже во время самого конгресса, так как вход во Дворец взаимности, где собирался конгресс, был платный. Но ведь не было уверенности в том, что вообще соберется аудитория. Ведь дело происходило летом, в душнине, жаркие дни, и тому же буржуазная печать спино воды в рот набрала: ни словом не информировала о предстоящем конгрессе! Тщетно принимались меры к тому, чтобы сообщению о конгрессе появилось хотя бы в рубрике «парижских празднеств», наряду с информацией о конкурсе на лучший купальник костюм и т. п. Буржуазная печать умеет замалчивать то, о чем ей невыгодно говорить.

Были и другие затруднения. Нужно было тщательным образом обследовать многие кандидатуры людей, которых предлагали пригласить на конгресс. Ряд писателей вынул сомнения: каково их отношение к фашизму, не попытаются ли они испро-

йти мимо такой «тематической завязки». Наша художественная литература непосредственно остается в этом направлении. Трудно назвать произведение, в котором были бы показаны

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ О КОНГРЕССЕ

ЛЕНИНГРАД, 22. (От наш. корр.)

Сегодня на советском телеэкране «Копирация» вернулась из заграничной поездки А. Н. Толстой. В беседе с нашим корреспондентом А. Н. Толстой поделился впечатлениями, вынесенными в результате полугодового месячного пребывания за границей.

— Я был в Гамбурге, Лондоне, Париже и Голландии, — говорит А. Толстой. — Во всех странах остро чувствуется коррупция — результат кризиса, который пустил очень глубокие корни во всех странах. Особенно это ощущается в Париже.

14 июля там по существу происходила репетиция будущей гражданской войны.

Я присутствовал на открытии бульвара Горького. Это было исключительное зрелище. Достаточно было посмотреть на рабочих и работниц, которые были там, дабы убедиться в том, что французские рабочие сплочены и решительно ждут событий.

М. Горький о Чеховском юбилее в Таганроге

РОСТОВ-ДОН, 20 июля. (Корр. «Правды»). Сегодня в Таганроге на имя организационного комитета по проведению празднования юбилея А. П. Чехова получено следующее письмо от М. Горького:

«Товарищам и гражданам Таганрога.

Нездоровье помешало мне принять даже заочное участие в чествовании вашего памяти А. П. Чехова. Да вот и с этим откликом опоздал я. Теперь, слушаю рассказы о том, как прекращено организационное было дело Чехова, как торжественно вы провели его, я еще раз убеждаюсь в быстроте

и широте культурного роста людей великой нашей страны. Я хорошо помню начало литературной деятельности А. П. Чехова. Помню кисельные улыбочки доверчивых обывателей, когда они почувствовали, что человек, который оказался им только веселым забавником, начал мягкой рукой, но безжалостно, обнажать пошлость и глупость их жизни.

Его проницательный взгляд удивительно легко и метко вскрывал за мизурой приличий либеральной ботаники тупой агонии и трусливые лицемерие домашних животных — царя Александра III и сына его, который ухитрился возвысить себя почти до символической фигуры всемирного обывателя, до фигуры, которая совмещала в себе хладнокровную жестокость и людям с вишневым хитроумием и глупостью дегенерата.

Чествование памяти одного из крупнейших художников русского слова вы превратили в торжественный праздник, какого еще не бывало. Как гражданам страны нашей, я горжусь необычайным почетом, оказанным вами работе литератора. Как литератор искренно вам от себя и от лица союза литераторов. М. Горький».

В нашей литературе мы знаем писателей, которые о городе Санкт-Петербурге писали много и плодотворно. Голосильский Петербург, столица с точки зрения авторов физиологических очерков, Петербург Достоевского, Андрея Белого. Несмотря на то, что холодный и жестокий город на Неве воспринимался искаженно, мистически, как рок, реалистическая линия города у всех перечисленных писателей оптимизма. Даже фантастический Петербург Андрея Белого ослеплен временем, адресом, названиями и деталями и предчувствиями эпохи, реалистичность которых своей толстой надлобной символикой, мистикой видны читателю.

Мы знаем «Городок Окорок», в котором завершена традиция уездного в нашей литературе, завершена блестятельно. Мы помним Н.-Новгород, Казань, Арамакс, которые так внимательно показаны в «Монх университетских». «Оме Гордеева», «Деле Артамоновых» Максим Горький.

Наши литераторы должны твердо усвоить, что нет ни одного человека в нашем Союзе, в Москве, который не был бы «адрес» реконструкции. Надо смотреть далеко, надо понимать, что эпохи и детали нашей эпохи ни в какой мере не могут быть сравнены с деталями и днями буржуазии даже в ее лучшие, созидательные времена.

Ведь наша реконструкция основана на самой высшей форме человечности, она — для нас, и в то же время она адресована в недальнее будущее — людям бесклассового общества.

В основу постановления положена забота о человеке.

Опубликованная 11 июля во всех газетах «тематическая завязка» обязывает наших писателей ввязаться за эту ответственную работу.

В многообразной, обширной и глубокой, как океан, сталинской реконструкции — узел самых важных проблем нашего времени. Нам нужны десятки романов, повестей, пьес, поэм, новелл о великой надежде всего мира — Москве.

пользовать трибуну для других целей? Были, наоборот, и сомнения со стороны некоторых приглашенных. Одни боялись, как бы конгресс не оказался «слишком левым», другие — как бы не «слишком правым». Шел длительный процесс взаимного «прощупывания», предварительных собраний и наших французских друзей — провалили здесь много такта, ума, энергии и терпеливости.

И вот — открытие конгресса. Режиссер превзошел все ожидания. Зал Дворца был переполнен несмотря на платный вход и непому печати.

Впервые же выступления прозвучали те страстные революционные ноты, которые заставили буржуазную печать немедленно спомнить свой «заговор молчания» и заволты о «книстоплении коммунизма». Да и как было не заволты буржуазным журналистам перед лицом такой мощной антифашистской демонстрации, каким явился конгресс, перед лицом таких фактов, как недвусмысленное заявление Андре Жид о том, что «только в коммунистическом обществе возможен полный расцвет личности», как резкая и категорическая формулировка Генриха Манна, что «самые кровавые события лишь впереди, они придут тогда, когда наступит час расплаты», как выступления писателей, от которых меньше всего приходилось ждать революционных заявлений (Гексли, Шамсон, занимающий официальное положение директора Версальского дворца) и др.?

Взвешенное не обольство, правда, и без враждебных выступлений против антифашистского фронта и советской культуры.

Но в какой позорной изоляции оказались эти два тридцатки, получившие достойную отповедь от всего конгресса и в частности от А. Жид, который подчеркнул, что ничто не может поколебать веру лучших деятелей культуры в советскую страну, в пролетарскую революцию.

Достаточно отметить, что даже реакционная печать не сочла нужным посвятить ни одной строки выступлениям этих контрреволюционеров: истинно ничтожно было значение их клеветнических выпадов, истинно выпали их «декларации» из общего тона конгресса.

Исключительной теплотой и вниманием была окружена на конгрессе советская делегация. Белогвардейская печать — и та должна была отнестись к этому обстоятельству и даже найти ему объяснение, вывести его из того факта, что конгрессу симпатизировала активность советского режима в области культуры («Возрождение»). На каждом шагу сталкивались советская делегация с проявлением величайших симпатий к советскому строю — и не только в стенах Дворца, где происходил конгресс. Везде, в французской деревушке, в улицах Парижа и Вены, в общественных местах, в поезде — приходилось наблюдать, каким ореолом окружались эти антифашистские силы в мировой литературе. Новый фактор вошел в культурную жизнь Запада и недооценивать его значение нельзя.

Собрание московских писателей одобрило отчет советской делегации на парижском конгрессе и единодушно приняло предложение т. Стасюка послать приветствия Андре Жиду и Анри Барбюсу.

культуры

пользовать трибуну для других целей? Были, наоборот, и сомнения со стороны некоторых приглашенных. Одни боялись, как бы конгресс не оказался «слишком левым», другие — как бы не «слишком правым». Шел длительный процесс взаимного «прощупывания», предварительных собраний и наших французских друзей — провалили здесь много такта, ума, энергии и терпеливости.

И вот — открытие конгресса. Режиссер превзошел все ожидания. Зал Дворца был переполнен несмотря на платный вход и непому печати.

Впервые же выступления прозвучали те страстные революционные ноты, которые заставили буржуазную печать немедленно спомнить свой «заговор молчания» и заволты о «книстоплении коммунизма». Да и как было не заволты буржуазным журналистам перед лицом такой мощной антифашистской демонстрации, каким явился конгресс, перед лицом таких фактов, как недвусмысленное заявление Андре Жид о том, что «только в коммунистическом обществе возможен полный расцвет личности», как резкая и категорическая формулировка Генриха Манна, что «самые кровавые события лишь впереди, они придут тогда, когда наступит час расплаты», как выступления писателей, от которых меньше всего приходилось ждать революционных заявлений (Гексли, Шамсон, занимающий официальное положение директора Версальского дворца) и др.?

Взвешенное не обольство, правда, и без враждебных выступлений против антифашистского фронта и советской культуры.

Но в какой позорной изоляции оказались эти два тридцатки, получившие достойную отповедь от всего конгресса и в частности от А. Жид, который подчеркнул, что ничто не может поколебать веру лучших деятелей культуры в советскую страну, в пролетарскую революцию.

Достаточно отметить, что даже реакционная печать не сочла нужным посвятить ни одной строки выступлениям этих контрреволюционеров: истинно ничтожно было значение их клеветнических выпадов, истинно выпали их «декларации» из общего тона конгресса.

Исключительной теплотой и вниманием была окружена на конгрессе советская делегация. Белогвардейская печать — и та должна была отнестись к этому обстоятельству и даже найти ему объяснение, вывести его из того факта, что конгрессу симпатизировала активность советского режима в области культуры («Возрождение»). На каждом шагу сталкивались советская делегация с проявлением величайших симпатий к советскому строю — и не только в стенах Дворца, где происходил конгресс. Везде, в французской деревушке, в улицах Парижа и Вены, в общественных местах, в поезде — приходилось наблюдать, каким ореолом окружались эти антифашистские силы в мировой литературе. Новый фактор вошел в культурную жизнь Запада и недооценивать его значение нельзя.

Собрание московских писателей одобрило отчет советской делегации на парижском конгрессе и единодушно приняло предложение т. Стасюка послать приветствия Андре Жиду и Анри Барбюсу.

ЗА СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ МОСКВУ!

Замечательное постановление «О генеральном плане реконструкции города Москвы» для наших писателей — живое напоминание о том, что литераторы Советского союза не могут пройти мимо такой «тематической завязки». Наша художественная литература непосредственно остается в этом направлении. Трудно назвать произведение, в котором были бы показаны

Многие писатели в своих ранних произведениях были юношескими, новеллами тяготели к тишинам переулков Арбата.

Писатели тяготели к облюбованным ими уголкам Москвы, но в их любви было что-то сложное — о любовь и привязанность художника Поленова к парижским московским дворникам (без канализации, водопровода, о пошнугушавшихся саусах).

Но почему сейчас, когда наша столица так много сделала в этом направлении, поэты, писатели, драматурги, очеркисты, которые так талантливо, подчас мастерски показывали Москву буржуазную, Москву бревенчатую, Москву кривоколенную не находят слов для песен, романов и пьес о городе, обрастающем своею чудесною молодостью.

Это не значит, что за время двух пятилеток не было написано произведений, в которых герои совершают свои поступки и проступки в Москве.

Но Москва в этих произведениях дана как адрес на конверте, — ничего не говорящий ни уму, ни сердцу.

Перечисление улиц, безлосе сообщени о столице, невзыскательный пейзаж — вот чем ограничивались писатели.

Герои существовали сами по себе. В произведении город отсутствовал. Это забвение города во всем его многообразии и сложности мстало за себя.

Писатели забывали о знаках и деталях, которые определяют, подчас больше чем цифровое обозначение, время действия, адрес.

В хоромном произведении город входит в сюжет, в фабулу романа, пьесы, поэмы одним из персонажей

произведения. Это прекрасно понимал такой писатель, как Бальзак. Его пространные, разбросанные в каждом романе пейзажи и описания городов, замков, улиц, домов, убранств квартир, одежды героев подчинены основной задаче — наиболее полного раскрытия человеческого характера.

Вспомните протокольное, чуть надоевшее натуралистическое описание улицы, да и самого пансиона мадам Вока. Эта экзопозиция, с первого взгляда как будто увеличивая читателя от самого романа, на самом деле крайне важна, потому что без этого пейзажа нам непонятен был бы молодой Растиньяк, каторжник Вотро, для которого глумомаи улицы и пансиона Вока — «социоправная квартира». Здесь пейзаж не отделим от людей.

Бальзак понимал, что наиболее полное, точное, потребное для его произведений описание знаков и деталей эпохи (новые конструкции omnibusов, карет, в архитектуре, декоративном искусстве, одежде и т. д.) важно для уяснения не только обстановки, в которой живут его герои, но их сущности, настроений, помыслов.

В «Истории тринадцатых» Бальзак патетически пишет об улицах одного из главных действующих лиц «Человеческой комедии» Парижа, очеловечивая кварталы и переулочки. В романе «Блеск и нищета куртизанок», описание улицы, на которой проживает куртизанка Эффири Гобсек, звучит, как эпиграф, как лейтмотив общечеловеческой судьбы трагической и страшной.

По произведению Бальзака можно восстановить не только географию Парижа тридцатых и сороковых годов, но и отношение героев к своему городу, о реконструкции и намерении которых великий романист также писал.

Искусство бальзаковского details по наследству перешло к его прямым наследникам в литературе: Флоберу, Золе, Гюи де-Мопассану, Доде и др. Город жила в их произведениях, Герои жили, работали, любили и вступали в сюжет, в фабулу романа, пьесы, поэмы одним из персонажей

и широте культурного роста людей великой нашей страны. Я хорошо помню начало литературной деятельности А. П. Чехова. Помню кисельные улыбочки доверчивых обывателей, когда они почувствовали, что человек, который оказался им только веселым забавником, начал мягкой рукой, но безжалостно, обнажать пошлость и глупость их жизни.

Его проницательный взгляд удивительно легко и метко вскрывал за мизурой приличий либеральной ботаники тупой агонии и трусливые лицемерие домашних животных — царя Александра III и сына его, который ухитрился возвысить себя почти до символической фигуры всемирного обывателя, до фигуры, которая совмещала в себе хладнокровную жестокость и людям с вишневым хитроумием и глупостью дегенерата.

Чествование памяти одного из крупнейших художников русского слова вы превратили в торжественный праздник, какого еще не бывало. Как гражданам страны нашей, я горжусь необычайным почетом, оказанным вами работе литератора. Как литератор искренно вам от себя и от лица союза литераторов. М. Горький».

В нашей литературе мы знаем писателей, которые о городе Санкт-Петербурге писали много и плодотворно. Голосильский Петербург, столица с точки зрения авторов физиологических очерков, Петербург Достоевского, Андрея Белого. Несмотря на то, что холодный и жестокий город на Неве воспринимался искаженно, мистически, как рок, реалистическая линия города у всех перечисленных писателей оптимизма. Даже фантастический Петербург Андрея Белого ослеплен временем, адресом, названиями и деталями и предчувствиями эпохи, реалистичность которых своей толстой надлобной символикой, мистикой видны читателю.

Мы знаем «Городок Окорок», в котором завершена традиция уездного в нашей литературе, завершена блестятельно. Мы помним Н.-Новгород, Казань, Арамакс, которые так внимательно показаны в «Монх университетских». «Оме Гордеева», «Деле Артамоновых» Максим Горький.

Наши литераторы должны твердо усвоить, что нет ни одного человека в нашем Союзе, в Москве, который не был бы «адрес» реконструкции. Надо смотреть далеко, надо понимать, что эпохи и детали нашей эпохи ни в какой мере не могут быть сравнены с деталями и днями буржуазии даже в ее лучшие, созидательные времена.

Ведь наша реконструкция основана на самой высшей форме человечности, она — для нас, и в то же время она адресована в недальнее будущее — людям бесклассового общества.

В основу постановления положена забота о человеке.

Опубликованная 11 июля во всех газетах «тематическая завязка» обязывает наших писателей ввязаться за эту ответственную работу.

В многообразной, обширной и глубокой, как океан, сталинской реконструкции — узел самых важных проблем нашего времени. Нам нужны десятки романов, повестей, пьес, поэм, новелл о великой надежде всего мира — Москве.

и широте культурного роста людей великой нашей страны. Я хорошо помню начало литературной деятельности А. П. Чехова. Помню кисельные улыбочки доверчивых обывателей, когда они почувствовали, что человек, который оказался им только веселым забавником, начал мягкой рукой, но безжалостно, обнажать пошлость и глупость их жизни.

Его проницательный взгляд удивительно легко и метко вскрывал за мизурой приличий либеральной ботаники тупой агонии и трусливые лицемерие домашних животных — царя Александра III и сына его, который ухитрился возвысить себя почти до символической фигуры всемирного обывателя, до фигуры, которая совмещала в себе хладнокровную жестокость и людям с вишневым хитроумием и глупостью дегенерата.

Чествование памяти одного из крупнейших художников русского слова вы превратили в торжественный праздник, какого еще не бывало. Как гражданам страны нашей, я горжусь необычайным почетом, оказанным вами работе литератора. Как литератор искренно вам от себя и от лица союза литераторов. М. Горький».

В нашей литературе мы знаем писателей, которые о городе Санкт-Петербурге писали много и плодотворно. Голосильский Петербург, столица с точки зрения авторов физиологических очерков, Петербург Достоевского, Андрея Белого. Несмотря на то, что холодный и жестокий город на Неве воспринимался искаженно, мистически, как рок, реалистическая линия города у всех перечисленных писателей оптимизма. Даже фантастический Петербург Андрея Белого ослеплен временем, адресом, названиями и деталями и предчувствиями эпохи, реалистичность которых своей толстой надлобной символикой, мистикой видны читателю.

Мы знаем «Городок Окорок», в котором завершена традиция уездного в нашей литературе, завершена блестятельно. Мы помним Н.-Новгород, Казань, Арамакс, которые так внимательно показаны в «Монх университетских». «Оме Гордеева», «Деле Артамоновых» Максим Горький.

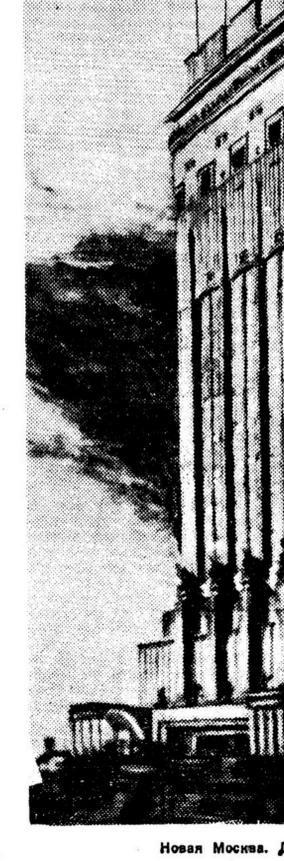
Наши литераторы должны твердо усвоить, что нет ни одного человека в нашем Союзе, в Москве, который не был бы «адрес» реконструкции. Надо смотреть далеко, надо понимать, что эпохи и детали нашей эпохи ни в какой мере не могут быть сравнены с деталями и днями буржуазии даже в ее лучшие, созидательные времена.

Ведь наша реконструкция основана на самой высшей форме человечности, она — для нас, и в то же время она адресована в недальнее будущее — людям бесклассового общества.

В основу постановления положена забота о человеке.

Опубликованная 11 июля во всех газетах «тематическая завязка» обязывает наших писателей ввязаться за эту ответственную работу.

В многообразной, обширной и глубокой, как океан, сталинской реконструкции — узел самых важных проблем нашего времени. Нам нужны десятки романов, повестей, пьес, поэм, новелл о великой надежде всего мира — Москве.

Новая Москва. Дом Цудортранса.

Новая Москва. Дом Тае.

Заметки о детских журналах

„ЧИЖ“

Наши детские журналы далеко еще не удовлетворяют тем большим требованиям, которые предъявляют к ним маленькие читатели. Может быть, эти требования, детьми и не озвучены и никак не формулируются, зато, вероятно, каждая редакция каждого детского журнала получает от своих читателей верою писем с отзывами и пожеланиями. Но даже если сумма этих писем складывается всего лишь в одно горячее и распыленное требование сделать журнал «интереснее», нужно суметь сказать за детей то, чего они сами сказать еще не умеют.

Наших детей питает героическое многообразие нашей действительности, и их читательские запросы не могут быть оторваны от реальной обстановки их жизни, обещающей воспитать в них замечательные характеры, смелые чувства, недюжинные дарования. И как не согласиться с товарищем, пишущим к детям (И. Рахманов и Л. Кассиль — «Товарищ пишет для детей»), («Литературный критик» № 9 1934 г.), которые «думают, что для таких читателей нельзя фальшивить, нельзя неподобающие мысли выдвигать за продуманные, что надо понять и почувствовать все до конца, тепло, тепло и необходимо, что для таких читателей нужно и самому перевоплощаться в четырнадцатилетнего или четырнадцатилетнюю и все заново, жадно и необыкновенно».

Так рождаются слова «интереснее», которое в журнальном обиходе имеет особенно глубокий и сложный смысл. Что же касается «специальности», «специализации» и прочих жульонов, отпугивающих многих талантливых авторов от детской литературы, то они страшны лишь тогда, когда в антипарской и адовитой доле лежат на ладони педагогической гурьевщины. В хорошей детской книге и в хорошем детском журнале они являются внутренним и органическим качеством художественного образа.

Но обратимся непосредственно к детским журналам и постараемся увидеть в них все свежее, интересное и ценное, что выгодно отличает их от дореволюционной детской периодики, как и слабые стороны, которые позволяют говорить об их отставании от современности и о неполном понимании ими читательских запросов.

казалось бы, материал, из которого строится номер детского журнала. Передовица песенкой номером «Чиж», вышедших в текущем году, прежде всего с радостью констатирует его полноту и доходчивость, в которой нет предвзятого морализаторства, но есть и содержательность и выдумка, и выразительная сила. Как ценно журнал делается очень хорошо: начиная от веселого чередования его обложек и кончая простой и занимательной подачей его литературного текста, все в нем правильно учитывает и уровень детского восприятия, и характер детского интереса. В нем печатаются много классических сказок — Гауфа, братьев Гримм и других переводных авторов; защищая этот жанр от нападков ревнителей аскетизма в детской литературе — это значит возмущаться в пользу этого жанра, но не забыть в пользу этих сказок положительный упор на веселую и образную фантастику, которая для наших ребят имеет огромное значение. Журнал совсем не печатает ни русских народных сказок, ни сказок братьев Гримм и других переводных авторов; защищая этот жанр от нападков ревнителей аскетизма в детской литературе — это значит возмущаться в пользу этого жанра, но не забыть в пользу этих сказок положительный упор на веселую и образную фантастику, которая для наших ребят имеет огромное значение.

Много места и старания уделяет журнал юмору — этому остроумному разделу нашей детской литературы: ряд карикатурных серий из детской жизни в нем очень удачен («Об умной Маше»), хотя есть и несколько надуманных («Картинки глупого Вити») — с непосильным для малышей раскрытием метафоричности понятий (или слишком подражательные («Крыска») Антоновского — где от благополучного мешанья В. Вуша взято далеко не лучшее). Живо рассказанные эпизоды из детской и подростковой жизни, интересные рассказы в картинках, картинка для разгадывания, загадочные картинка, картинка, по которым самим детям предлагается придумать рассказ и т. д. и т. п. — в каждом номере «Чиж» чувствуется эта любознательная заинтересованность его содержанием, которая, не делая его пресным, вносит в него разнообразие и свежесть.

Таковы общие замечания о журнале, на основании которых можно сказать, что малыши читают его или слушают (если они читать еще не умеют) с интересом. Но при более тщательном рассмотрении его отдельных номеров обнаруживаются в них ряды досадных ошибок. И о тех и о других нужно поговорить особо.

Вот прекрасный, острообразительный рассказ К. Чуковского «Так и не так». В нем текст органически переходит в иллюстрацию, а последние естественно продолжают текст; все же вместе, очень похоже на игру, обрывается таким образом, что маленький читатель невольно полагается за карапалом и сам передается заключительный «не так» нарисованный рисунок. А вот рассказ Василия Валова «Чернушка», исчерпывающий уменьшительными именами («сернышки», «клявочки», «киселек» и т. д.), славянский и безнадёжно архаичный по тону, как архаична по своей трактовке «сельской жизни» приложенная к нему картинка. В обоих рассказах нет ни одного слова, которое связывало бы их содержание с определенным временем, ни одного понятия, характеризующего их обстановку как советскую. И тем не менее, если рассказ Валова — или ему подобный — с упомехом можно было бы прочитать в «Задуманном слове» для младшего возраста, то Чуковский удалось найти такой простой, подкупающий и внутренне дружественный

тон, который, конечно, адресован не детям вообще, а именно советским детям.

Хорошо умеет разговаривать с детьми Борис Житков. Его коротенький рассказ «Разница» — это очень цельный и полнокровный образец того, как самая обыкновенная бытовая эпизод приобретает художественную выразительность и как степень этой выразительности сопряжена с авторской манерой речи. В рассказе и миллионер, и кооператив, и очередь у кассы — он целиком построен на материале советской повседневности. Но убедителен он не столько материально, сколько тем, что он действительно «рассказан», а не «перескакан», т. е. тем, в нем звучит живой и дружественный голос, каждой своей интонацией обращенный к живым советским малышам.

Миллионер в рассказе может присутствовать, а может и отсутствовать. И в том и в другом случае рассказ может оказаться и хорошим и плохим. По соседству с рассказом Житкова напечатан, например, рассказ А. Голубовой «Крушение», в котором есть и живой миллионер, и детская игра в уличный перекресток и миллионера. Образы действительности, реализуемые в игре, — что может быть выигранное для детского рассказа! Но у автора захватило «голово», и живая и интересная тема превратилась в горло, более пресно, чем упоминать выте расказа Чуковского, в котором нет ни миллионера, ни одного советского понятия, но который всем строем своей речи тесно связан с сегодняшним днем наших малышей.

А ведь в беседе с малышами, которую ведет журнал, самым главным и самым трудным и является этот не принужденный и продуманный строй речи, ничего ни в какой выходящий, но учитывающий новые качества растущего детского сознания.

Если говорить о недостатках «Чиж», то самым заметным из них и будет некоторая художественная нейтральность и полнота, консервативность тона, опрессивного иногда его интересней и разнообразней материалу.

«Путь солдата» — это книга об империалистической войне. Но она отличается от многих книг, написанных на эту тему. Рисуя все ужасы войны, Бухбанд, однако, избегает пафосистской трактовки темы, он не впадает в ремаркизм. Он твердо знает об этом тонкой каждая строчка его книги, что вынуждена в руках солдата — это оружие революционных повстанцев в руках рабочих и крестьян, что это оружие неизбежно обратится против «своих» капиталистов. Книга агитирует, призывает к борьбе с первой страницей.

Первые главы — это начало войны. Действие происходит в Вене. Праздничное, крикливо-патриотическое настроение в буржуазных кварталах и угрожающе-настороженное — в рабочих. Рабочие с нетерпением ждут, что скажут социал-демократы, что скажут их вожди Виктор Адлер и Отто Бауэр. «Бухбанд и они за войну? Или... Но сон!» — за войну. И окранный капиталистический торгуют полны нелюбви, растерянности, шока.

«Эх, проклятие? Кому она нужна?» — раздается голос старого рабочего... Товарищ по станку, социал-демократ, пытались его убедить, что виновата Россия, желавшая навредить у нас свои порядки. «Ей хочется казавшейся наглой уничтожить свободу, добытую кровью рабочих...»

«За отечество — против России и Франции! За отечество — против Австрии и Германии!» — раздавались услужливые возгласы продажной прессы всех воюющих стран. И война началась.

Жизнь солдата, его путь Бухбанд передает со всей силой, свойственной реалистическому методу. Он обнажает тыловые явы империалистической войны: взычничество, разврат, бесчеловечное отношение к солдатам, к «своей стотине», пушечному мясу, антисемитизм, разжигание национальной розни. Вскрывая подноготную империалистической войны, книга Бухбанда не вызывает, однако, слезливой жалости к «бедным солдатам», подобно многим пафосистским книгам. Она вызывает ненависть, и ненависть не обстрактную, а вполне реальную, к империалистической войне, неизбежно порождающей войны.

Это особенно ярко сказывается в последней части книги. Группа австрийских солдат попадает в плен в Россию. Картина жизни пленных, человеческое отношение русских членов в пленным солдатам, их

дружба с русскими рабочими провинциальными идеями интернациональной солидарности трудящихся. Но вот наступает Февральская революция, выходящая в плен много людей и разочарованных. Герои книги — русские рабочие, и особенно, работающие на Верх-Исетском заводе, становятся большевиками. После Октябрьской революции пленные, невнятные войну, всецело уклоняющиеся от участия в ней, выходящие весь язык войны и плен, добровольно идут в Красную гвардию, образуют интернациональный полк. Они идут защищать отечество, отечество всех трудящихся.

«Раньше, когда солдат умирает, он прежде всего проливал войну и своих командиров. А этот старик перед смертью любил проназойки их имена...» — удивляется один из пленных, Чижек, поблагодарив смелый красногвардейца, старого рабочего.

«Да, Чижек, когда рабочий и крестьянин умирают за свое правое дело, они заслуживают продолжения беспощадной борьбы».

Таков «путь солдата» от ярой, безотчетной ненависти к войне «вообще» — до сознательной ненависти к капитализму, к предательству социал-демократии, до безавытной преданности к своему классу.

Вот герой, от имени которого ведется повествование («Путь солдата» — биографическое повествование). Он еще до войны «спрел огонь, и воду, и медные трубы». Брошенная жизнь ломлена, неорганизованные столкновения о предпринимателями, безотчетное, но прочное недовольство к болтунам социал-демократам — все это приводит его сначала в лагерь анархистов. Но он одним из первых, будучи в плену, еще до революции пришел к большевикам. На таких людей выковываются настоящие большевики. И Бухбанду удалось это доказать.

Вот польский еврей Шварцкопф, странный, умный человек, единственный из пленных, имеющих уже определенное мировоззрение. Он раньше был членом ППС, но резко порвал с этим социал-патристическим движением еще до войны. В первых его словах чувствуется складывающееся классовое сознание будущего большевика. Но твердо стал он на большевистскую дорогу, когда встретился с рабочими Верх-Исетского завода, где он работал, будучи пленным. Он первый пошел добровольно в Красную гвардию.

Шварцкопф — это подлинный революционер, который даже под пытками будет защищать свои идеи, будет агитировать даже своих палачей.

А вот другой «герой» — чешский солдат Чижек. Он наломал гашеток Швейка. Выдумчик, плут, прикидывавшийся дручком, он, повав на фронте денщиком в лазаретном

врачу, в плену уже фигурирует, как «известный доктор». Он умеет, как и Швейк, устроиться. Но у него иная, классовая природа: Чижек не городской красавчик, мелкий торгаш; Чижек — крестьянин, бедняк. Классовое сознание берет у Чижика верх над плутовством, которое в империалистической войне было для него «защитным цветом». После Октябрьской революции он также идет в Красную гвардию.

Каждый из пленных солдат — рабочий и крестьянин — своими путями приходит к революции. И все они обрели в Стране Советов свою родину, на защиту которой пошли с первых дней революции.

«Раньше, когда солдат умирает, он прежде всего проливал войну и своих командиров. А этот старик перед смертью любил проназойки их имена...» — удивляется один из пленных, Чижек, поблагодарив смелый красногвардейца, старого рабочего.

«Да, Чижек, когда рабочий и крестьянин умирают за свое правое дело, они заслуживают продолжения беспощадной борьбы».

Таков «путь солдата» от ярой, безотчетной ненависти к войне «вообще» — до сознательной ненависти к капитализму, к предательству социал-демократии, до безавытной преданности к своему классу.

Вот герой, от имени которого ведется повествование («Путь солдата» — биографическое повествование). Он еще до войны «спрел огонь, и воду, и медные трубы». Брошенная жизнь ломлена, неорганизованные столкновения о предпринимателями, безотчетное, но прочное недовольство к болтунам социал-демократам — все это приводит его сначала в лагерь анархистов. Но он одним из первых, будучи в плену, еще до революции пришел к большевикам. На таких людей выковываются настоящие большевики. И Бухбанду удалось это доказать.

В ПОГОНЕ ЗА „НАСЛЕДСТВОМ ВЕННЫМ КОЛЬЦОМ“

Грузинская литература богата выразительными литературными памятниками. Это богатое наследство принадлежит к себе внимание мастеров, глубокой художественности, своим идеальными устремлениями. И все это относится не только к гениальному творцу Шота Руставели, но в той или иной степени и к писателям ранних веков. Весьма большое значение имеют произведения Набоха Хуцеси (V в.), Мерчули, Шавтели, Чахурдадзе, Саба-Сулхан Орбелиани, Теймураза, Габушвили, Гурамшвили и ряда других известных писателей, поэтов вплоть до XIX в.

Мы, современные писатели и критики Грузии, мало знаем, а иногда и мало ценим эти весьма интересные произведения далекого прошлого. Их надо изучать, критически перерабатывать, использовать их наследие. Нужно уметь отличать первобытно-архаичную шелуху от подлинно художественного, от идейно ценного, нужно научиться понимать эти сложные литературные памятники во всей их сложности, противоречивости, мучительной и живой жизни. Без такого критического подхода обращение к источникам древней литературы будет не на пользу растущей советской литературе, а явно против нее.

Сюжетные отдельные представители грузинской интеллигенции были и до последнего времени продолжают попытки называть советской литературе националистический стандарт восторга перед «великой грузинской литературой». Для этой цели своей литературы, для этой цели литературный карнавал с перечислением имен всех писателей ушедшей Грузии. Все это сопровождается лирическими заявлениями и нежиданными заключениями. Образцом такого экскурса является статья К. Гамсахурдия в «Литературной газете» под названием «Истоки грузинской прозы».

К. Гамсахурдия задается целью вскрыть истоки грузинской прозы. Для этой цели весьма пристрасный исследователь анализирует глубокие веков. Дающие века Гамсахурдия тревожит с единственной целью: он хочет доказать, что грузинская литература, в этом случае проза, имеет именно данную, магистральную линию.

Грузинская литература, тоже является с самого начала данной и полностью оформленной категорией. Якоб Хуцеси в V в. и потом Г. Мерчули полны грузинский язык на десятилетия высоту. Никакого развития этого языка не претерпел. В XVIII в. Саба-Сулхан Орбелиани собрал и канонизировал его. Деятельный век свернул от «магистральной линии» грузинской литературы, и потому этот век является несомненным веком деградации грузинской литературы и грузинского языка. Что не вмешивается в круг литературных традиций Хуцеси и Мерчули, все это — декорация, оживление и украшение, но не суть грузинской литературы. Вот отсюда и начинается магистральная линия грузинской литературы. Конечно, и Хуцеси и Мерчули входят в фонд грузинской литературы, но добавляя к ней истинную XVIII в. Саба Орбелиани, Гамсахурдия считает их непревзойденными образцами, такими классическими вершинами, которые все уже вообразил в себя и окончательно замкнул круг развития литературы. Но Гамсахурдия, единственная возможность для современной литературы, это — хуцеси-мерчулеобразное развитие «магистральной линии». Это — возврат к старому, это — искоренение традиции классической литературы девятнадцатого века, это — путь, ведущий назад, к древнегрузинскому языку Хуцеси, Мерчули и Саба-Сулхан Орбелиани.

В этом и заключается, кажется нам, весь ложный смысл статьи Гамсахурдия. Вместо того чтобы критически изучать писателей древности, он их идеализирует. При всех промахих художественных качеств и достоинств дома Мерчули «Гр. Ханццели» (XI в.) не может быть «антономическим романом современной античности» (фраза принадлежит К. Гамсахурдия). Наставь абсурдно утверждение, что «грузинский язык Г. Мерчули еще никогда не был в такой чистоте» (К. Гамсахурдия).

Язык Мерчули давно уже превзошел всей ново-классической грузинской литературы (XIX в.). Это совершенно не умаляет достоинств языка Мерчули. Только писателю Гамсахурдия, который является энтоном по линии своей реставратором евангелистских образов и стилизатором застывших форм языка, кажется, что грузинский язык должен застыть в рамках языка Мерчули. То, что вышло за эти рамки, Гамсахурдия объявляет антинациональным и деградировавшим. Исходя из этого, понятия слова Гамсахурдия: «Лексика Мерчули более своеобразна и национальна, чем Руставели, у которого можно встретить достаточное количество иранских и арабских варваризмов». Такая формулировка является неосбываемым поклоном апостола языковой мертвечины на гениального Руставели.

МЕЖСОЮЗНАЯ ОЛИМПИАДА МУЗЫКИ И ТАНЦА

19 июля в трех театрах Центрального парка культуры и отдыха им. Горького открылась московская межсоюзная олимпиада музыки и танца.

ИРМА ЯУНЗЕМ

ОТ ЧАСТУШКИ ДО ЧАЙКОВСКОГО

В памяти москвичей еще свежо впечатление от состоявшихся в прошлом году олимпиад самодеятельного искусства. Сколько границ, изящества, молодости, свежести, какое богатство талантов, показали эти смотри самодеятельных кружков.

Силы столицы, в том числе нар. арт. респ. У. О. Авраменко, Е. В. Гельцер, В. Д. Тихомиров, Л. П. Штейнберг, засл. деятель искусств Е. М. Брауде, засл. арт. респ. И. И. Алексеев, А. М. Мессерер, Н. В. Мирон, И. П. Яунзем и др.

Сегодня последний день олимпиады. 27 июля состоится заключительный вечер олимпиады, на котором выступят лучшие участники смотра.

Что исполняют кружковцы? Трудно сразу ответить на этот вопрос, ибо так разнообразны и богат репертуар выступавших. Большой популярностью пользуются частушки, русские народные песни, но не меньше и классика, причем зачастую в репертуар включаются серьезные классические произведения.

КНИЖНИ И КОНГРЕССУ ИРАНСКОГО ИСКУССТВА

10 сентября этого года в Ленинграде открывается 3-й международный конгресс иранского искусства и археологии. В связи с этим издательство «Академия» выпускает несколько русских изданий художественных произведений литературы Ирана и альбомов иранского искусства.

В середине августа выходит II том сборника «Восток», посвященный произведениям восточных классиков (робан) самого яркого представителя материалистической теории арабской философии Омара Хайяма.

Книга иллюстрируется 8 цветными и 15 фототипными репродукциями с миниатюр по преимуществу XIV—XVI вв. из коллекций советских музеев. Перелет, форзацы и украшения книги выполнены худ. Искраевым в старорусском манере.

Одновременно со сборником «Академия» выпускает отдельные издания поэмы Саади «Бустан» («Лесной сад») и 40 четверостишия (робан) самого яркого представителя материалистической теории арабской философии Омара Хайяма.

Первый альбом представляет собой миниатюрную публикацию 50 миниатюр из ленинградского собрания рукописей «Шах-Наме».

Второй альбом даны фотографии с 85 предметов сасанидского искусства (блюда, вазы, кубышки и пр. сосуда) из уникальной коллекции сасанидского серебра и бронзы, хранящейся в секторе Востока государственного Эрмитажа.

КАБАРДИНСКИЙ ФОЛЬКЛОР

В Москву возвратилась бригада писателей в составе А. Глобы, В. Дынина и М. Зеневича, командированная правительством ССР в Кабардино-Балкарскую область для работы по художественному переводу кабардинского народного творчества.

Миниатюры, включая иранские миниатюры к «Шах-Наме», начиная с XIV до XIX в., составлена таблица размером, что позволяет на лучших образцах миниатюрной живописи показать развитие этого совершенного вида иранского искусства и основные направления и школы, бытовавшие в нем.

Исключительное внимание бригаде уделял секретарь обкома т. Бетал Калмыков, сделавший в дружеской беседе с нами много ценных указаний по нашей работе.

Собрания бригады были весьма плодотворны. В Кабардино-Балкарии мы записали много новых текстов замечательных песен о Ленине, Сталине, о колхозном строительстве, о борьбе с классовым врагом, о Калмыкове и др.

ЧАСТУШКИ, БЫЛИНЫ, СКАЗАНИЯ

Адрес фольклорного отдела Центрального литературного музея — Рождественка, 5. Рекомендую запомнить здесь каждый человек, так или иначе интересующийся фольклором.

В музее же находится колоссальное собрание частушек (60 тысяч номеров) В. И. Симакова, сибирские песни и сказания, записанные Савельевым.

В настоящее время сотрудники фольклорного отдела подготавливают к печати специальный фольклорный том «Летнейской литературного музея». Объем книги 15 печатных листов.

Кроме того в издательстве «Академия» выпускается большой (40 печ. листов) сборник Онежских былин, собранных в 1926—28 гг. бригадой под руководством бр. Соколовых.

Собрания бригады были весьма плодотворны. В Кабардино-Балкарии мы записали много новых текстов замечательных песен о Ленине, Сталине, о колхозном строительстве, о борьбе с классовым врагом, о Калмыкове и др.

В настоящее время сотрудники фольклорного отдела подготавливают к печати специальный фольклорный том «Летнейской литературного музея».

Кроме того в издательстве «Академия» выпускается большой (40 печ. листов) сборник Онежских былин, собранных в 1926—28 гг. бригадой под руководством бр. Соколовых.

ВЕЛИКИЙ ПЛАН

НА ОБЩЕМОСКОВСКОМ СОБРАНИИ АРХИТЕКТОРОВ

Сталинская десятилетка реконструкции Москвы — документ величайшего исторического значения. Это — реализация мечтаний величайших утилитов о «городе-солнце», это — новое выражение беспредельной творческой мощи победившего пролетариата.

Грандиозные задачи ставят постановление о реконструкции Москвы перед всей нашей общественностью и особенно — перед общественностью архитектурной.

Отсюда до глубокого чувства ответственности в каждом выступлении на общемоковском собрании архитекторов, состоявшемся на днях в Доме архитектора. С полным единодушием отменил докладчик А. Александро и все выступившие после него ораторы (т.т. Заславский, Туркиндзе, Власов, Гельс, Сидоров и др.) не только грандиозное практическое, но и высочайшее воспитательное, теоретическое значение документа о новой Москве.

Сразу не охватить всего содержания этих черепных, точно ковровых постановлений, — говорят т.т. Александро, — нужна упорная, длительная работа, чтобы это содержание раскрыть в полной мере. Нужна коренная перестройка всей работы архитектурного фронта, чтобы можно было приступить к реализации этого замечательного плана, ибо он является прообразом грандиозных планов перестройки многих советских городов.

Никогда еще, по общему мнению, так остро не стоял вопрос о новом типе архитектора, как сейчас, в свете задач, выдвинутых партией и правительством в своем постановлении.

Достояла борьба должна быть обречена на победу, вне зависимости от силы, стальной приверженности к традиции, замкнутому кабинетному творчеству. Долгой планированием, долгой фокусировкой, долгой лаважкой ухарства, конструктивистские и формалистские реиндустрии, беспринципное подражание классическим образцам! Нужны дерзавия, но дерзавия не безпредметные, а такие, в основе которых лежит глубокая идеяность. Строй новой Москвы должен быть проархитектурен и правдив, как язык и правдивы все лозунги партии, все цели, во имя которых мы боремся.

Основное, что требуется сейчас от архитектора, это чтобы он перестал

быть только проваляльщиком, а ближе подошел к производству, к стройке, завоевал бы здесь авторитет, которого, к сожалению, до сих пор еще не имеет.

Архитектор — на леса! Вот лозунг, который должен стать ведущим в нашей архитектурной практике, — подчеркивает в своем докладе т. Александро.

Когда этот лозунг будет претворен в жизнь, мы, несомненно, обогатимся множеством мастеров, вооруженных всемирными знаниями, достойных быть участниками такого великого процесса, как социалистическая реконструкция городов.

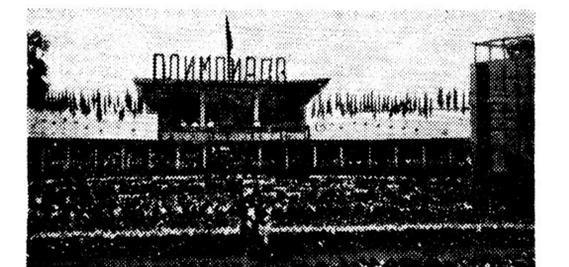
Необходимо поэтому вселески стимулировать приход архитектора непосредственно на стройку, осуществлять ряд мероприятий, способствующих приближению архитектора к строительной площадке.

Во все рост должен быть поставлен вопрос о воспитании кадров. В этой связи придется все время обращать внимание на практику архитекторов мастеровских. Многие из них не соответствуют задачам, которые в свое время перед ними поставил Л. М. Каганович. Они стали строить дома «пролетарскими котормами» вместо того, чтобы быть творческими лабораториями.

Важнейшими проблемами являются реорганизация утверждающих органов, где не всегда сходятся люди, компетентные в вопросах архитектуры, податные нашей строительной индустрии на более высокий уровень, улучшение качества архитектурного образования.

Генеральный план реконструкции пролетарской столицы влил новые силы в нашу архитектурную среду, выявил горячее волеупреждение как в среде старших мастеров, пользующихся ставой далеко за пределами Союза, так и в среде молодежи, которая восторженно открывает всеобщие перспективы, не сходясь их товарищам по профессии на Западе.

Все отряды приводятся в боевую готовность. В ближайшем времени мир станет свидетелем величайшего в истории похода строительной и жилищно-коммунальной индустрии — Сталинград, Дель.

Олимпиада самодеятельного искусства. Зеленый театр.

духовому оркестру завода им. Сталина, с громадным мастерством сыгравшему прелюдию Листа и четвертую симфонию Чайковского, хореографическому, музыкальному и хоровому кружкам завода черной металлургии, показавшим сцену в Подольском стане из оперы «Князь Игорь», работнице фабрики им. Рыкова Исаевой, выразительно, с большой искренностью исполнившей ряд вокальных номеров и, наконец, семидесятилетнему пастуху совхоза «Молочный гигант» Хрусталеву, который виртуозно сыграл на рожке несколько русских песен.

Запомнил добрый коллектив завода им. Ильича, очень мягко и чутко передавший «Бухарский марш». Исключительно тепло встретила аудитория выступление хора девушек-фабричанок одного тульского завода (руководитель Синельникова).

Народный артист республики Штейнберг перед выступлением.

проникла в рабочие массы музыкальная культура, как полно и всемерно не усваивают они лучшие образцы музыкального классического наследия.

С большой убедительностью межсоюзная олимпиада показала стремительный рост — и вширь и вглубь — самодеятельного искусства в нашей стране. Успехи колоссальны! То, что еще год назад считалось пределом, теперь оценивается как пройденный этап. Но наряду с достижениями имеются и недостатки, на которые необходимо сейчас обратить серьезное внимание.

Основной из них — «гомофоничность» — дурной вкуса. Нужно сказать, что вульгарное заигрывание со слушателем, грубое подчеркивание и выпячивание вынужденных мест, помеченные нами у некоторых товарищей, объясняется, однако, не тем, что эти исполнители вообще имеют плохой вкус. Нет, здесь вина руководителей кружков, не сумевших воспитать в кружковцах верное художественное чутье.

Если говорить о том, каково же положение теперь, то вот основное. При всех прочих равных условиях писатели предпочитают теперь не чужие дома отдыха, но именно свои.

ОТДЫХ И ТВОРЧЕСТВО

В прошлом году, при получении писателями путевок на курорты, можно было наблюдать следующее. Несмотря на то, что распределение сопровождалось драматическими сценами, путевок часто хватало, еще чаще они были не туда, куда нужно, и не тогда, когда нужно, — несмотря на это писатели часто отказывались от путевок, хотя и климатический пояс, и время как будто устраивали их.

Тогда, как и теперь, писатели могли отдыхать либо в домах отдыха, специально предназначенных для них, либо в общих санаторно-курортных и других домах. Как правило, они предпочитали последние. Литературные дома отдыха имели репутацию самой непривлекательной, и репутация эта не была лишена оснований.

Нарушалось все первое и законное требование отдыхающих, — обеспечить их здоровым, сытным и вкусным питанием. Жалобы на питание наблюдались повсеместно. Не приходилось говорить об уюте, удобствах. Буквально ни в одном доме отдыха не располагала к отдыху. Персонал не справлялся с своими обязанностями, не было физкультурных площадок, инструкторов. Не было ни одной элементарной для писательского дома отдыха, как библиотечка.

Это, как и многое другое не упомянутое здесь, делает понятным, почему писатели не хотели ехать в свои дома. Невольно часть — и притом значительная часть — путевок шла на сторону Славянского континента отдыхающих еще больше отдалки вли писателей. Так было в прошлом году.

Если говорить о том, каково же положение теперь, то вот основное. При всех прочих равных условиях писатели предпочитают теперь не чужие дома отдыха, но именно свои. Это результат демоловой работы продвинутой Литфондом, к которому все писательские дома отдыха перешли. Питание, вынужденное столько нареканий раньше, резко улучшилось. Тщательный подбор работников

домов отдыха увеличили обслуживание. Появились физкультурные площадки, цветы. Несколько затянулось дело с формированием библиотек, но и на них уже отпущены средства. Разаумеется, недостатки еще есть, их немало, и они должны быть устранены, но недостатки эти носят частный характер.

И все же ответственность за свои дома отдыха не удовлетворена. Писательский дом отдыха должен являться, не может не являться одновременно домом творчества. Для этого необходимы соответствующие жилищные условия, раннее всего. Как минимум писателю нужна отдельная комната. Иногда и две комнаты, если он хочет отдалиться от своей семьи. Едва ли рациональной является система крупных домов, с комнатами, расположенными по обеим сторонам коридора. Удобнее, лучше — коттеджи. Практика убедительно доказала это. Литфонд снял 60 дач в Голыцине. Писатели, живущие в них, получили путевки обычным порядком, пользуются питанием в доме отдыха и всеми другими услугами. Такая форма, по отзывам, чрезвычайно удовлетворяет их.

Вообще говорить о заметном увеличении числа мест в домах отдыха Литфонда едва ли целесообразно сейчас. 419 имеющихся уже могут в достаточной мере обслужить нуждающихся, если учесть, что известное число путевок, прикупать так или иначе придется. Говорить следует об увеличении, расширении жилищной площади, имеющихся в Литфонде.

Но есть дом отдыха Литфонда, географически расположенный исключительно двух родов лечебного значения на черноморском побережье и в минераловодской группе, бесспорно, нужна.

Литфонд пошел привильным путем и добился немалых уже успехов. Это внушает уверенность, что в недалеком будущем в домах отдыха писателей будут созданы все необходимые условия для отдыха и творчества.

А. СЕМЕНОВ

Моя биография

Герой Советского союза М. В. Володьнов в настоящее время работает над новой книгой «Моя биография». Эту книгу Михаил Васильевич пишет специально для молодежи. Она, даже в части биографической, будет многим отличаться от всего, ранее о нем написанного. В частности Т. Володьнов в ней хочет подробно рассказать о своем последнем зимнем перелете Москва — Мыс Шмидта — Дальний Восток.

Борисевичант т. Басейн много лет с М. В. Володьновым. Сейчас они вместе решают поделиться с молодежью воспоминаниями о наиболее значительных эпизодах из своей богатейшей летней практики. Все эти воспоминания войдут в новую книгу «Рассказы летчиков». Особый интерес будет представлять одна из глав этой книги, посвященная освоению Арктики. Здесь т. Володьнов и Басейн расскажут о своих перелетах на остров Врангеля, на остров Вайгач и в другие пункты нашей страны, совершенных ими впервые в истории советской авиации.

Обе книги будут изданы издательством ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» и выйдут в свет массовым тиражом в ноябре—декабре этого года.

ПУШКИНСКАЯ СЕРИЯ ДЕТГИЗА

К исполнению в 1937 г. 100-летию смерти А. С. Пушкина Детгиз наметил выпуск специальной «Пушкинской серии». Для дошкольного возраста будет издан сборник сказок. Отдельными изданиями выйдут «Сказка о рыбаке и рыбке» и «Сказка о попе и его работнике Балде».

Для младшего возраста выпускается сборник избранных стихов. Для среднего и старшего возраста намечено выпустить двухтомник избранных сочинений (объем 60 л. л.) и отдельные изданиями «Евгений Онегин», «Повести Белкина», «Дубровский», «Апостольская дочка» и биографический роман «Пушкин», над которым сейчас работает А. Слонимский.

Новая Москва. Внутренний вид Дома колхозника.

ОДНОТОМНИК ГЕТЕ

Слан в печать в Госиздате однотомник произведений Гете, выходящий под редакцией академика М. Н. Володина. Однотомник открывается большой статьей Н. И. Бухарина, в основу которой положены его речь, произнесенная на торжественном заседании Академии наук, посвященном столетию со дня смерти Гете.

Однотомник разбит на 12 разделов, в первом из них — лирика юношества 1776—1786 гг. Во втором, третьем и четвертом — «Прометей» в переводе В. Я. Иванова, «Генф фон Берхзинген» в переводе Е. Киплюкова и «Страдания Молодого Вертера» в переводе

Г. Рачинского. Пятый раздел составляет лирику веймарского периода. В шестом в сельском разделе — «Ифигения в Тавриде» в переводе В. Гиппиуса и «Эммануэ» в переводе Ю. Верещагина. В восьмом разделе вошла лирика 1786—1806 гг.

В следующих разделах — «Торквато Тассо» (перевод С. Соловьева), «Фауст» (перевод Н. Холодковского), «Ифигения в Тавриде» (перевод Г. и А. Рачинских). И, наконец, в последнем разделе — лирика 1807—1832 гг.

Объем однотомника 65 печатных листов.

Ответственный редактор А. А. БОЛОТНИКОВ. ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное объединение. РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-61 и 4-34-60. ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстной бульвар, 11, тел. 4-68-13 и 5-51-69.